

День поэзии ВГУ LXVI

*Литературно-художественный
альманах*

25 марта 2022 г.

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXVI

Литературно-художественный альманах

25 марта 2022 г.

Воронеж

2022

Обложка выполнена Алиной Костриченко
Также в альманахе использованы фрагменты её картин (с любезного разрешения автора)

Редакционный совет: Д. А. Чугунов (редактор-составитель),
В. П. Нацентов, Э. О. Пархоц, П. А. Пономарёв, В. В. Тулупов

Адрес для корреспонденции:
dr-chugunov@yandex.ru

Деревья и сейчас высокие, а снег белый

Надеюсь, что когда-нибудь наши выпуски университетского поэтического альманаха тоже будут читать как документ времени. Хорошо помню, как Владимир Чесноков, Виктор Акаткин и многие другие, причастные к таинству собирания и просеивания художественного слова, с чуть мечтательной улыбкой вспоминали *стародавние* времена. В те годы, когда снег казался белее, а деревья выше, в Воронеж заезжали очень интересные поэты из Москвы, Ленинграда и прочих крупных городов. Университетский «День поэзии» никогда не был местечковым явлением, а визиты известных в поэтической среде гостей только подчёркивали его значимость. Я слушал эти рассказы и пытался сравнивать тогдашнее и нынешнее. Разумеется, получалось как-то так, что... снег был белее и деревья, конечно же, выше.

Когда всё переменялось? Если подумать немного да полистать последние выпуски альманаха, то окажется, что новый лес поднялся над землёй и новые снега украсили настоящее. Очень радостно осознавать, что в «День поэзии» пришли лауреаты и призёры интересных российских и международных конкурсов, на страницах альманаха встают стихотворения тех, кто молод, но готов определять будущее нашей поэзии. Важно при этом, что они – не похожи друг на друга. Они пишут не по моде, не подражая иным, а говорят на собственном языке. Разве можно перепутать строчки, например, Дарьи Швецово́й и Екатерины Макушиной, Дмитрия Колесниченко и Дмитрия Целикова?.. Когда бы ранее столь многие из молодых участников альманаха публиковались в «толстых» литературных журналах России?

Быть может, молодые подхватили падающее знамя воронежской поэзии? Фраза вполне в духе прошлой эпохи. Красивая, но неточная. Потому что знамя воронежской поэзии и не думало падать. Ныне, в XXI веке, в нашем «Дне поэзии» печатаются стихотворения, например, Александра Нестругина. Он, выпускник юридического факультета далёких 1970-х, в 2021 году стал победителем конкурса «Лучшая поэтическая книга 2021 года», организованного Советом по поэзии Союза писателей России. И это далеко не первая и не единственная его победа. Да, мы можем гордиться тем, что совершенно нестоличный воронежский «День поэзии» ВГУ – не пафосный, не освещаемый с нужным акцентом в «Литературной газете» или «Культуре» – продолжал существовать даже в 1990-е гг., когда столич-

ный день поэзии временно умер. Однако главное – в ином. Когда-то в Воронеж приезжали именитые гости-поэты из столиц СССР. Теперь воронежцы ездят в Москву в статусе известных авторов. И эти авторы – участники нашего альманаха!

В этом номере мы символически не стали разделять стихотворения «университетских» поэтов и «гостей». Небольшой юбилей – пять лет труда нашей команды – хорошо отметить единением. Когда коронавирусные беды то и дело воздвигают границы между людьми, поэзия их сближает. Когда политика вторгается в наши думы, лирика нас сближает. Замечательный Аман Рахметов живёт сейчас в Казахстане, но его строчки свободно преодолевают пространства, чтобы появиться в альманахе. Виктор Батраченко – житель далёкого американского штата, но его стихотворения возвращаются в Воронеж. Что уж говорить о ближних краях!

Вообще, поэзию можно было бы назвать таинством жизни. Когда человек, занимающий высочайшую должность, погружённый в бесконечные деловые хлопоты, вынужденный мыслить логично, рационально, начинает вдруг рифмовать – это волшебство. Когда человек, только вступающий во взрослую жизнь, не удовлетворяется обыденным языком, простым, как мычание, начинает вдруг рифмовать – это волшебство. Что движет нами?

Как когда-то герои ренессансного «Декамерона» радостью и любовью к существу преодолевали распад и тление, так ведь и пишущие особенными красками расписывают обыденность. И пусть не все строчки удаются. Поэзия – дама своенравная, это давно известно! Пусть не все стихотворения печатаются в альманахе. На то он и есть собрание лучшего. Главное, на мой взгляд, это путь, на который ступает человек. На поэтическом пути и обыкновенная пачка соли превратится из ничтожного предмета в нечто большее (читайте об этом у Сергея Матыцина). И компьютерная стрелялка вдруг заставит задуматься о патриотизме (неожиданный лирический сюжет Ивана Щёлокова). И даже невероятное и протяжное «ы-вот» обернётся настоящим философским заклинанием (у Татьяны Шепеловой). А что за чудо – лирика, соединившаяся с живописью!

Пересказывать стихотворения, конечно, невозможно. Лучше их – читать. Перечитывать. Вслушиваться в их образы. Ждать новых...

Фрагмент картины Алины Костриченко

Университет и его друзья

Олег Авдеев

Учился на экономическом факультете ВГУ. Сейчас студент сразу двух вузов: Воронежского государственного университета им. Н. Н. Бурденко (лечебный факультет) и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (факультет географии)

Арденны

Арденны, Арденны в зелёных лугах,
Заря красит полог небес,
И в синих озёрах, как в зеркалах,
Мне виден проснувшийся лес.

Вот птицы запели в медвяной листве,
Высоко летит самолёт,
В холодной, почти неземной синеве
Горячее солнце встаёт.

В тенистых долинах пасутся стада,
И бьют из расщелин ключи,
Мне песни поёт, убегая, вода,
Играют в ней солнца лучи...

Виктор Батраченко

В конце 1960-х гг. работал в Вычислительном центре ВГУ. Ныне живёт в Брумфилде (США, штат Колорадо)

Хорошо бы успеть

Не доделав, бросаю... Раз вред невеликий природе,
от ошибок моих – я прощенья Небес не просил...
Всё быстрее вращается шарик земной вокруг оси,
по орбите своей год за годом всё дальше уходит...

Столько планов отброшено – к ним не вернуться –
цейтнот,
а когда-то во всех начинаньях своих был уверен...
Строил замки на пляжах – неопытен был я и зелен,
кто постарше, не сильно мешали – с годами
пройдёт...

Промолчи, сделав дело – другие дела на подходе,
сколько времени надо потратить на них, сколько сил...
Хорошо бы успеть, только шарик земной вокруг оси,
всё быстрее вращаясь, куда-то торопится, вроде...

Не та судьба

Жаль, так подстроено судьбою,
я мог бы встретиться с тобою
на перекрёстках, пристанях,
на сеновалах, простынях...
Не довелось – увы и ах!

По тропкам жизни параллельно
мы шли, попутно, но отдельно
вблизи одних и тех же вех,
нам то сопутствовал успех,
то – неудача, как у всех...

Я мог бы встретиться с тобою
в местах, назначенных судьбою,
но посещали те места
всегда мы порознь неспроста –
судьба нам выпала не та...

Виктория Белоусова

Магистрантка филологического факультета ВГУ

Жги

Как когда-то княгиня сожгла древлян,
Как во прах обратились её враги,
Задохнулась лесная в дыму земля...
Так и ты, дорогая.
Жги.

Собери с них кровавую эту дань –
Голубь и воробей с одного двора...
Улыбнись на мгновенье, из тьмы восстань
И сожги их к чертям дотла.

Как горел до заката живым огнём
Сокрушаемый яростью Коростень,
Как летел с неба пепел сухим дождём,
Багровел, раскалялся день...

Так и ты, моя милая, поджигай,
Как княгиня когда-то, иди и мсти.
Сам собой на обломках не вспыхнет рай.
Кто ещё сможет всех спасти?

И враги твои тоже готовы рвать,
И пожарища отсвет на стали лат...
Разбушуется враг, разойдётся тать,
И нельзя повернуть назад.

Пусть грохочет и лаает оскал забрал
И дубинок о щит окаянный бой...
Ты так долго ждала, и твой час настал.
И неведом тебе покой.

Ты способна убить этот сгусток зла,
Что готов целый мир разорвать в куски.
Как когда-то однажды княгиня жгла,
Так и ты, дорогая.
Жги.

* * *

Белый-белый Петербург орошает кровью,
Алый снег летит с небес, падает на кровлю,
И на медного царя, и на лёд Невы...
И стоят, разинув пасть, золотые львы.

Белый-белый Петербург скоро станет алым.
Кровь по трубам потечёт, рекам и каналам.
И над городом взойдёт алая заря.
Не пытайся убежать, не старайся зря.

Серый-серый небосвод багровеет быстро.
Проплывают облака, пролетают птицы...
И восходит по ночам красная луна.
Не растает алый снег, не придёт весна.

Серебристый отблеск звёзд тоже алым станет.
Раньше здесь был только лёд, а теперь — лишь
пламя.
Небо красное пронзит золотистый шпиль.
Позабудешь навсегда всех, кого любил.

На граните снег лежит – алый и горячий.
Здесь всё то, что ты ценил, ничего не значит.
Пропадёшь среди церквей и могильных плит.
Этот город никогда, никогда не спит.

Белый-белый Петербург замечает снегом.
Алы реки и земля, солнце, звёзды, небо...
Похоронены под ним все дела твои.
Белый-белый Петербург утонул в крови.

Юрий Беседин

Давний участник Дней поэзии ВГУ. В прошлом студент ВЛТИ, ныне пенсионер

Туристическое

Измочален, в полном молчании
я вгрызаюсь в высь в отчаянье,
сокрушая страх расстояния,
фанатея от этой мании.
Я тащу себя, растуды,
метрономно, с выдохом-вдохом,
а по мне – так все же неплохо

расплечистому (чтобы не лох), но
бок Эльбруса чесать – не охать...
И на равных, и без балды!

А с Эльбрусью – вниз по Алтаю!
В перекрестье пороги маю,
комариные знатно правят
и таёжно – фантастика явью.
Ведать Родину – нашу мать:
цыркать лёд коньками байкалы,
в топь Сибири по ноздри влезая,
и с карелами – по бокалу,
нерпу в Ладогое развлекая...
Мы туристы – вот так нас звать!

Будь хоть кто ты

Будь хоть кто ты: лань, кабан,
зоркий ястреб-ураган,
мудрая змея-гадюка,
во дворе моём Полкан,
ну а может быть кузнечик,
что поёт до ночи нам,
ёж-сопелка, грелка-кот
стаяка ласточек, енот
пусть болтливый попугай
(надоедлив через край),
грустная в хлеву корова,
две свинюшки, петушок
(кур с десятков, чтоб стерёг),
конь, овечки, линь в пруду
(иногда его ловлю),
я, конечно, – человек –
тот ещё себе субъект...
Мы похожи, мы близки,
так мы созданы мирски –
лепимся к себе подобным
Божьих промыслов ростки.

Владимир Болгов

Давний участник Дней поэзии ВГУ, лирик, пародист, баснописец, переводчик

Спешим

Спешим, спешим... Куда же мы спешим?
А время прочь уходит. Безвозвратно.
Вернись, ушедшее. Как повстречаться с ним?
Всё дальше, дальше.
Смутно и невнятно.

Спешим, спешим... А прошлое от нас
Скрывается за дальним поворотом.
Когда придёт последний в жизни час,
В последний путь меня проводит кто-то?

Спешим, спешим... Чтоб только место дать
 Нас на земле сменяющим потомкам.
 Последний миг.
 Последний в жизни взгляд.
 Последний вздох. Не забывайте только...

Спешим.... Спешим...
 Куда же мы спешим?

Уваженья бы нам

Мы с тобою всю ночь воевали.
 Кто кого – нам с тобой не понять.
 И была ли победа? Едва ли,
 если мира пока не видать.
 Ты одно, а в ответ я – иначе.
 Я скажу, ты своё мне в ответ.
 Может, это и что-нибудь значит,
 только мира у нас уже нет.
 Как понять эти наши сраженья?
 И зачем они ночь напролёт?
 Уваженья бы нам! Уваженья!
 Только всё-то у нас наоборот.

Сколько сможем мы длить испытанья?

Алексей Бондарев

*Выпускник Воронежского государственного
 технического университета. Ведущий инженер
 Национального исследовательского университе-
 та «Московский институт электронной техни-
 ки» (НИУ МИЭТ)*

* * *

Вот так, со всеми потрохами,
 С твоею дурью напоказ,
 С понтами, золотом, мехами
 И лёгкой смертью на заказ,

С твоею бедностью и пьянством,
 С безумной наглостью чинов,
 И воровством, и разгильдяйством,
 С паденьем нравственных основ,

По бездорожью, по ухабам,
 Крутым колдобинам и пням,
 Мосткам, понтонам, переправам,
 Навстречу призрачным огням,

В грязи, мазуте, керосине,
 На неприступной высоте,
 В ржаных полях под небом синим,
 В студёной тундре, в мерзлоте,

С трудом, натужно, кособоко,
 В лихих сомненьях и борьбе,
 Несясь, подхваченный потоком,
 Подчас не помня о тебе,

Коряво, глупо, некрасиво,
 Как получилось, как срослось,
 Люблю тебя, моя Россия!
 И ласки жду, как верный пёс.

* * *

Он бежит по бездорожью наугад,
 Матерясь и задыхаясь на ходу,
 Прочь – туда, где нет решёток и оград –
 И клянёт свою жестокую судьбу.

От бездушных надзирателей бежит,
 Ежедневный опротивел ему плен.
 Заметая след, по зарослям кружит.
 Он рискнул, не побоявшись перемен.

Позади него тяжёлый топот ног,
 Настигают, окружают палачи.
 Угасает в нём надежды огонёк,
 И душа в слепом отчаянье кричит.

Нет оружия, лишь маленький совок.
 Загнан в угол он, и нет пути назад.
 Горько плачет неудачник-бегунок.
 Жаль, надёжно огорожен детский сад.

Владислава Бурносова

*Магистрантка филологического факультета ВГУ.
 Учитель русского языка и литературы*

* * *

Пыльными кедами по тротуару.
 Лето. Июнь. Жара.
 Помнишь, как мы выбирали, кем стану?
 Как не спалось до утра?

Видишь поле во ржи? Ряд колосьев упругих,
 Словно бы в детстве моём...
 Сколько же нами за эти все годы
 Сказано слов ни о чём?

Дождик умоет вновь наши лица,
 Маски снимая и боль.
 Вновь строчки кривые с измятой страницы
 Бросаю я в жизни огонь.

Пыльными кедами по тротуару...
 Взрослая жизнь, не спешите!
 Снова не выбрала я, кем же стану.
 Может быть, всё впереди?

Светлана Владимирова

Выпускница факультета ПММ ВГУ, член Союза писателей России

высокогорное

Ю. М. Глазунову

Наверно, нас непросто запугать,
Раз мы пошли тропой незнакомой –
Там наверху лишь камни и снега,
И склоны встретить ласково не склонны.

О расстояньях рассуждать легко,
Но можно лишь пройти, а не проехать
Туда, где ждёт безмолвье ледников
И от лавин раскатистое эхо.

Пейзаж равнинный красочен вполне,
Но тянемся, как стебельки растений,
Туда, где небо – ближе и синей,
А жизнь – непостижимей
и бесценней.

* * *

А что я знаю о тебе? –
Да ничего на самом деле,
Как о случившейся метели
В довольно мягком декабре;
Как об истёршейся листве,
Лежащей под притихшим снегом,
Отжившей век, не ставший веком;
О веток временном вдовстве;
О силе в дремлющих корнях,
Их древних снах и чем-то вроде –
Как о явлении природы,
И кто, и что ты – для меня.

календарное

I

К оконному стеклу на миг прильни –
Идёт зимы последняя декада:
Для февраля типичны перепады
Температур и настроений. Дни
Заметно удлинились. А метель –
Каприз недолгий, зрительно красивый,
К тому же наблюдать его пассивно,
В тепле, вдвойне приятно. На плите
Бормочет чайник: что – не разобрать,
А сердце – о своём, куда яснее...
Земля молчит – метель поёт над нею,
Но верно, что желает лишь добра.

II

Пока нет снега – ни к чему мороз,
А выпадет – хочу, чтоб не растаял;
Пускай метели, календарь листая,
Свивают гнезда. Что не прижилось

Сотрётся, затаится ли – как знать?
Надежд вчерашних колыбель – пустая.
Сугробами дороги обрастают.
Другое время – антураж под стать,
Он в чём-то неизменен много лет:
В цене – тепло, горячий чай и фрукты;
Сквозь разговоры cedятся минуты
И пьются за просмотром кинолент.

Кролик

Алисе

Тот Кролик был белым, хотя без проблем альбиноса,
Придирчивым, вспльчивым, резким,
короче – несносным.

А этот – не носит перчаток, но тоже капризен.
Он даже без шляпы – купи ему шляпу, Алиса!
Вдобавок он чёрный, совсем, без каких-либо пятен,
С лоснящейся шкуркой,
на взгляд и наощупь – приятен,
И если здоров, то ни дня не пройдёт без сюрприза –
Вздыхай не вздыхай, а воспитывать поздно, Алиса:
Он взрослый самец, на излишне заботливых злится,
А сам среди игрушек – рагу в меховой рукавице,
И повар подал бы его с овощами и рисом,
Но ты дорожишь им. И он тебя любит, Алиса.

Татьяна Воронова

*Выпускница филологического факультета ВГУ.
Печаталась в журналах «Подъём», «Новая литература», «ЛИterra», «Литература», «45-я параллель»,
в сборниках и антологиях, изданных в Воронеже,
Москве и Санкт-Петербурге*

Эпилог

Жизнь – никого – не учит – ничему.
Лишь в виде исключения – тому,
Что люди к обученью неспособны.
Иначе этот домик над рекой
(«Смотри, как просто в нем найти покой»)
Едва ли был бы раю уподоблен.

Здесь новый день и старый – близнецы,
Здесь могут и до вечера жильцы
Промаяться в засаленном халате.
Здесь утреннего действия ритуал
От плана никогда не отступал:
Расшатанной, облупленной кровати

Покинув бесполезный траходром,
Хозяин в колпаке скрипит пером,
«Творя свою нехитрую работу»,
И столько дней прошло под этот скрип,
Что звук его к мозгам уже прилип –
До тошноты (хотя и не до рвоты).

А за спиной хозяина всегда
Стоит подруга...
Ах, подруга... да...
Он даже иногда припоминает
(Но ненадолго), как её зовут –
И стонет: «Выйди! Хоть на пять минут!..»
(Настырней бабы – и в аду не знают.)

...Исписанные мастером листы
Наутро вновь становятся чисты –
И новую чернильницу приносят.
И вечный гарантирован уют,
И возле дома вишни всё цветут,
Цветут... но никогда не плодоносят.

Пасха в 2020 году

Нежнейшее вымя из творога
Завязано в марлевый жгут.
Зараза гуляет по городу,
У кладбища вишни цветут.

Апрель во все форточки просится,
Вечерние дали ясны...
Успели войти мироносицы
В режим партизанской войны.

Мука рассыпается по столу,
У кладбища – вишневый дым.
Разогнаны страхом, апостолы
Сидят по квартирам своим.

Как знать, от чего они прячутся –
От тех новостей, что гнетут?..
...Со временем – всё обозначится.
(У кладбища вишни цветут.)

И это когда-нибудь кончится,
И вишни цветут как цвели,
И тихо ликуют подпольщицы,
Что кто-то валун отвалил.

Сергей Востриков

*Выпускник Воронежского технологического
института, работает в сфере информационных
технологий*

* * *

Там, где запад и восток понятны северу,
там, где юг и отдых сводятся в одно,
там ромашка в поле что-то шепчет клеверу,
там денёчки, как костяшки домино.
Там молитвою твоею утро полнится,
и в луче пылинок бойких чехарда...

В час бессонницы мне это место вспомнится,
и отступят обнаглевшие года.
Счастье плавилось в ладонях стеаринное,
ни восток, ни запад счастьем – не указ.
На стене ворчали ходики старинные,
будто знали что-то важное про нас.
Но, как водится, у счастья нянек семеро...
Вот такое чёрно-белое кино
там, где запад и восток понятны северу,
где денёчки, как костяшки домино.

* * *

Полетела паутина по лугам,
полетела паутина на заре,
нити тянутся к жемчужным берегам,
разрываются на точки и тире.

Стайка точек – три на выдох, три на вдох,
между ними трёх тире немой провал,
Сколько ты ни зарекайся, видит Бог,
этот жребий никого не миновал.

Кто увидит, кто на помощь поспешит,
если сам не понимаешь, в чём беда?
Если просто стал темнее глаз самшит,
и цепляется обида-череда.

Если мир не понимает по губам,
если просто за минуту постарел...
И летает паутина по лугам,
и плывут по небу точки и тире.

Прищепка

Зелёная поблёкшая прищепка
с оборванной верёвки бельевой
не падает. Пружина держит цепко,
и корпус хоть надтреснут, но живой.

В компании товарок деревянных,
прищепочный свой коротая век,
надеется: появится стремянка,
и вместе со стремянкой – человек.

На большее надеяться неловко,
но видела всю зиму сладкий сон
про новую красивую верёвку
и дачный изумительный сезон.

Не понимаю я наивность эту,
но сам себе с усмешкой говорю:
«Ты смотришь на неё, как на примету,
хоть доверяешь только октябрю.

Сам держишься с привычною сноровкой,
судьбу свою оценивая в грош,
за старую истлевшую верёвку,
и вместе с нею, видно, упадёшь».

Диана Гладнева

Выпускница факультета РФФ ВГУ

* * *

Когда льются слова – успевай подставлять кувшин.
 Говори, родная, говори и пиши, пиши.
 Дай словам излиться, прочь горечь! Гони долой!
 Полыхнёт зарница, заберёт всё быльё с собой.

Ведь тебе ли не знать про рассвет, что за ночью
 скрыт.

Выйдешь в светлом платье в нежно-розовый
 морганит,

Окунёшься в силу, обернёшься – дорога ждёт.
 Ты была бескрылой, а теперь впереди полёт.

Когда слёзы градом – успевай подставлять кувшин.
 Говори, я рядом, говори и пиши, пиши.

Андрей Гончарук

Выпускник филологического факультета ВГУ. Основатель интеллектуального клуба «Кратер»

Предчувствие

Памяти Эмануэля Шиканедера

Сцена дрогнет под топором.
 Очи брызнут солёной влагой.
 Саламандры сожрут твой дом.
 Деньги станут простой бумагой.

Но, не зная, что впереди
 И война, и туман над Летой,
 Ты кричал ему: «Подожди!» –
 И бежал за его каретой.

И надежды твоей вино
 Превратилось в полынь и оцет
 В миг, когда не взглянул в окно
 Покидавший отчизну Моцарт.

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, идейный вдохновитель и ведущая проекта «Сердце поэтово»

Он говорит

«Я буду глупости нести,
 А ты писать стихи об этом!»
 Мы про любое завести
 Наш разговор сумеем. Летом
 Природа выкормит птенцов,

Любви и мир откроет новый.
 Мы будем с видом мудрецов
 Ловить мгновения. По слову
 ты – меня,
 а я – тебя,
 как бусины,
 как ценный жемчуг,
 мы соберём друг друга в вечность,
 в цепь,
 в нашу бесконечность
 снов.

Мы теряем

*Памяти Никиты Вакулы,
 университетского друга*

Мы теряем время,
 Время не вернёшь...
 Что считали важным –
 Просто ложь.
 Говорят, проходит.
 Может, и пройдёт...
 Мимо по дороге
 Ускользнёшь
 От всего, что было
 Каждый день с тобой,
 Чтобы позабылся
 Путь чужой,
 Ты своей тропинкой
 К счастью путь держи,
 Не теряй минуты:
 Близкому скажи,
 Что его ты любишь,
 Очень дорожишь,
 Потому спешить ты
 Должен. Миражи
 Встреч ненужных лезут
 Под ноги и дел...
 К ним ли ты стремился?
 Этого ль хотел?
 Поспешి обняться
 И поцеловать...
 Может, и успеешь
 Мира суть понять.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета ВГУ. Член клуба поэтов «Лик»

Пляжное

Тот первый выезд на моря,
 Когда мощной, собой горя,
 Ты был – и круть, и дурь, и пламень,
 Зачем-то, где-то, чем-то славен,
 Летел туда, где жизнь – не зря.
 Тот первый искренний рассвет,

Такого уж, пожалуй, нет,
 Когда небес белеет пламя,
 не в горизонт, но в море тает,
 и перламутр – к ногам: «Привет!»
 Потом – теченье красных толп,
 А ты стоишь, как некий столп.
 Бохач? Ну да, как крыс алтарный,
 Одетый пошло и бездарно.
 И тих, как знак дорожный «Стоп».
 Как этот ствол платана сер,
 Наивен, как СССР
 Меж горделивых и причастных.
 В краю, где море, солнце ясно,
 Где...
 Хлебосольно, например.
 И – прочь счета, понты, ступени.
 Здесь – солнце, смоквы, море в пене.
 Живи, и забери сюжет
 туда, где – осень. Моря нет.

Сиестное

Ни облачка, ни ветерка,
 Ты не находишь себе места:
 Срединно-русская сиеста,
 Давно отлёжаны бока.
 Звук сада глух, молчит петух,
 На чьей-то нитке пляшет мушка,
 Лишь заполошная несущка
 Твой сонный забавляет слух.
 Цвет неба – блед, не виден след,
 И гула нет от самолёта.
 Как вдруг: вдали стальная нота.
 Да, да, тот старенький мопед.
 Ага, шумит, да как пылит,
 Тот запах гари больно горький.
 И с удочками! Да на зорьку,
 Туда, где речки сладок вид.
 Звук за окном. Ага, сосед
 Шумит жене: «Ворушить сено!»
 Жаровня гаснет постепенно,
 Из пылкости сходя на нет.
 Сходя к росе, в разгульность ночи,
 Туда, где жизнь кипит, клокочет,
 Где живы все.
 Кого здесь нет.

Дмитрий Ендовицкий

Ректор ВГУ

Январь

Малым – радость, взрослым скука
 Убирать нам, не играть

Парковать машину мука
 Добрым матом излагаться

Снеговик стоит с морковкой
 Кто-то пишет «скоро лето»
 И с залатанной толстовкой
 Дворник курит сигарету

Вот и день прибавил света
 Солнца лучик греет душу
 Дайте зелени и цвета
 Дайте детям прыгать в лужу

А пока январь хозяин
 Мёрзнут граждане вне дома
 От Москвы и до окраин
 Вот такая аксиома

Зрелость

Солнцем жарко отогрето
 Где-то пальмы, море где-то
 А у нас в злата одето
 Бабье лето, бабье лето

Капля дождика в ладошке
 Дремлет кошечка в лукошке
 Не сезон сейчас окрошке
 Мёрзнет кактус на окошке

Хочешь, чтобы повернули
 Лето красное вернули
 Холода чтобы минули
 Быть в июне, быть в июле

А у осени – уместность
 Словно жизненная целость
 Как в поступках важна смелость
 В фруктах спелость, в людях зрелость

Анастасия Еремина

Выпускница филологического факультета ВГУ

* * *

Сейчас бы в рюкзак положить карту мира,
 Дневник приключений, на поезд билет
 И двинуться в путь, рассекая пунктиры
 Того, что случится, а может быть, нет.

Забыть обо всём и начать жить отважно,
 Собрать в хвост пучок непослушных волос
 И знать: ничего не случается дважды,
 Но верить, что это совсем не всерьёз.

Сейчас бы сидеть и играть на гитаре
И видеть улыбки сквозь искры костра,
Читать о любви и капризной чинаре,
Притворно ворча, что кругом мошकारа.

Купаться в реке, из песка строить замки,
Надеясь, что их невозможно сломать.
Впервые попробовать отдых в палатке,
От каждого шороха долго не спать.

Встречать поезда перед самым рассветом,
Ловить свет надежды в глазах у людей
И верить, что, судя по древним приметам,
Придёт тот, кто станет всех в жизни главней.

Писать вечерами стихи и посланья,
Бежать, улыбаясь, попавши под дождь,
Нести за собой целый мир в чемодане
И чувствовать жар от уставших подошв.

Сейчас бы начать становиться смелее,
Не думать, как прежде: «А что если бы...»
Носить ожерелье на тоненькой шее,
Чтоб был оберег из рельефной резьбы.

Влюбляться случайно на целую вечность,
Гулять, держась за руки, по мостовой.
Уже обновлённый на карте отмечен
Обратный мой пункт под названьем «Домой».

Софья Жукова

Студентка факультета РГФ ВГУ

Хандра

Солнце ноет.
Тащит вьюга снежное веретено,
Только небо опустилось.
Неподвластное, оно

Давит белыми власами
На безмолвный край зари.
Зеленью рисуют ели,
Сходит вечер впереди.

Раз за разом всё тоскливей,
Сердце белью занесло;
Мысли тёмные пред дверью
Выстроили злой заслон.

Как же жить невыносимо.
Серой книгой на столе
Обернусь и буду видеть
Только то, что снится мне.

Евгения Зайцева

*Участник литературного объединения «ПоетFM».
Печаталась в журнале «Подъём», сборниках «Вер-
ная Любовь», «Poetfest Лучшее», «Перископ-Волга»*

Свет м о л ч и т

Свет м о л ч и т
Увядающей розы,
Умирают шипы постепенно.
На столе листьев бледная россыпь
И осколок остывшего неба,

И пустая, ненужная ваза,
Человеком забытое время,
Что всегда был с минутами связан,
В перемены великие веря.

Веря в дружбу, людей и надёжность,
Наблюдая вокруг безразличность.
Без цветов выжить радости сложно,
Но ходить по земле
Н е п р и в ы ч н о.

Вера Калашникова

Выпускница факультета ПММ ВГУ

* * *

Бежит Серёга –
блестит дорога,
остановился –
тускнеют выси...
Настанут сроки –
замкнутся токи
и дождь весенний
размоет тени.

Селезень хохлатый

Селезни и утки
на воде качались,
тёплый ветер чутко
рябью гнал печали.

И бросали булку
малыши с разбега,
гаканьями гулко
прерывалась нега.

Я на пне сидела
над прудом на горке,
выбирала цели,
проверяла зоркость.

Искушенья – мимо,
выходной – к закату...
Где ты, мой любимый,
селезень хохлатый?!

Анастасия Картавцева

выпускница факультета журналистики ВГУ. Корреспондент газеты «МОЁ!»

Грачи прилетели

...А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...
Владимир Шемшученко

Ты, пожалуйста, верь мне, верь.
Трогал я не стену – плечо.

Чёрное пятно на канве
К небу устремилось грачом.
Сколько их за первым спешит?
Сколько задохнулось в руках?
Части нашей общей души,
Крестики, пробившие ткань.

Посмотри, я птиц не держу,
Потому что думать устал,
Каково им в холод и шум
С деревянных пялец взлетать,
Каждый взмах терпеть, каждый шаг
За иглу цепляться крылом.

Да куда там – ровно дышать?!
Даже тень нести тяжело.

Речка

Выплыть – выплыть. Деться некуда.
По бокам лишь легонько тресну.
Воды быстрые, воды ведают,
В берегах как бывает тесно.

Всё прольётся и всё просушится,
Лес покроет мне грудь и плечи.
Время в нём закричит кукушкой,
Заголосит: «Была ли речка?»

Пусто-пусто. Овраги-ягоды:
Сочно-сочно и красно-красно.
Были тёплые воды с ядом и
Были мёрзлые – неопасные.

Были косы и были омуты,
Были проруби, были броды,
Были щуки и были окуни,
Были удочки, были лодки.

Солнце жаркое, солнце колетя,
Зимы крепкие – всю сковали.
Доползти б ручьём до околицы...
Что-то сквозь меня... Не трава ли?

День города

Во второе воскресенье осени
Москва разгоняет тучи.
Они ручными обиженными кошками
Убегают на юг.
Царапают грозами,
Дождём ударяются оземь,
Приносят на почерневших спинах
Первый сезонный холод.
У нас День города.
И в столице День города.
Мы появились раньше
Примерно на четыреста дней,
Мы южнее
Почти на столько же километров.
Здесь Дикое поле ветрами шумит
В каждом жителе.
Господи, разве ж мы заслужили?
Улицы с двойными названиями
Остывают и мокнут,
По ним бегут бабы с пустыми вёдрами,
Уступая дорогу чёрным
И наглым кошкам.
К домам в кружевных кокошниках
Слетаются голуби и вороны.
В осенней траве желтеет антоновка,
Пытаясь укрыться кленовым зонтом.
Я тоже – под зонт.
В центр, на Красную площадь,
К фундаменту бывшего Воскресенского.
Площадь – почти пустая
И серая.
Редкие прохожие переживают:
«Из-за дождя не будет фейерверка
Который год.
В парке концерт –
Артисты замёрзли».
Воздушный шарик зацепился за ветки берёзы
И глядит оттуда на всех,
Кто поднимает навстречу дождю
Осмелевшие лица.
А мне отчего-то хочется
Заблудиться
В Москве.

Вот с боковушки сошли две бабы.
Успеть к окну!
Завоевав бесхозный столик,
прикупишь чай.
Рассвет прохладен, ветрами болен.
Унылый час.
До горизонта в несвежих складках –
седая степь,
а горизонт дымит украдкой –
пустынно сер...

К стеклу прижмёшься,
и посмотришь вверх –

ты станешь бледен, а, может, светел,
допьёшь до дна.
Повдоль железки, в точь как по рельсам,
по проводам
стремглав несётся не то карета,
не то «стрела»,
а в ней – весна.

* * *

Простынет мир, простым карандашом
набросанный на скрутке папиросной,
и скомканным останется не познан.
А человек натянет капюшон,
сбежав от производственных вопросов,
проектный план откатится к компосту
и оттого не будет завершён.

Посмотришь незадачливому вслед –
творец творца узнает издали –
кого-то лечит, а его калечит
попытка созидания вовне.
Ссутулив заострившиеся плечи,
он глубже втянет непогожий вечер,
проигрывая в классовой войне.

Ты свиток папиросный развернёшь,
и распадётся сотня измерений,
поднимутся престольные ступени,
закружит изначальный хоровод
гармонии пречистой и блаженной.
Но в этом ликовании нетленном
так ничего и не произойдёт.

Ты видишь каждый неумелый штрих,
как оборвался он и как возник,
чудных зверей и птиц, цветные степи.
Как всем хотел, по правде и уму,
раздать по усмотренью своему
удобный инструмент и лёгкий жребий;

посеять звезды, что крупнее нет,
как высаженный в небо горичвет;

на каждого и радуги, и хлеба...
Хотел он и почти придумал как,
но места для себя не отыскал
в исправленной редакции Вселенной.

От злости бросил на землю и ушёл.
И это был его свободный выбор.
Не съедут мирозданческие глыбы,
и сущего громоздкий ледокол
не стянется в зрачок полярной рыбы,
которая надтреснула на сгибе,
рванув в глубоководный производ.

Ты распространяешь бережно эскиз,
как бабочек сажают на булавку,
едва касаясь, упакуешь в папку
под грифом «Предпоследний компромисс
потерянных». Свернёшь на юго-запад.
А эта неразыгранная ставка
уйдёт в джекпот для тех,
кто не сдались.

Дана Коваленко

*14 лет, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 40
г. Воронеж*

* * *

и вместо лампы в потолке
нам хочется заката,
лежать под вечер на траве,
не тухнув на кровати

и вместо быстрых фар машин
нам хочется, чтоб звёзды
с надеждой падали с вершин
в прохладный вечер поздний

и вместо каменных домов,
чреды многоэтажек
нам хочется среди лесов
забыть о всём неважном

и вместо хмурых лиц людей
нам хочется согреться
среди холодных декабрей
найти, куда нам деться

среди унылых лиц людей,
чреды многоэтажек
среди унылых декабрей
забыть о всём неважном.

Дмитрий Колесниченко

Выпускник филологического факультета ВГУ

* * *

И зажглась звезда, и пришли три волхва с Востока,
У кровати младенца сжимают свои дары –
Острый нож, стилет и кинжал. Убивать жестоко,
И они это знают, недаром они так мудры.
Про ребёнка звезда им сказала заранее,
И дитя, в чьих глазах небесная чистая синь –
Это будущий фюрер великой Германии,
Это печи Освенцима, Лидице, и Хатынь.
Но убийство Ромула к власти приводит Рема,
И фашизм взметнётся не менее жгучим костром.
Постояв, волхвы потянулись на выход немо.
И младенец во сне улыбнулся беззубым ртом.

Илья Муромец

Вот опять я один. А дорог – целых три,
Колеи поросли муравую,
Одинаково тают дороги вдали,
И любая грозит мне бедою.

Быть женатым, убитым, расстаться с конём –
Всё написано так, как и надо,
Каждый раз неизведанным ехал путём,
Где в чащобе таилась засада.

И батыров чужих убивал булавой –
Кровь алела, как спелая вишня,
И ходил против князя с мятежной толпой –
Ничего, как известно, не вышло...

Брошу всё навсегда и уеду в Царьград,
Там путей выбирать мне не надо!
Буду пить не спеша и смотреть на закат
Из беседки в тени винограда!

Только с надписью камень стоит на пути,
Про дорогу к Царьграду – ни слова.
Надо ехать куда-то. Крути не крути,
Выбирать мне приходится снова.

* * *

Ирине Славиной

Еретики, безумцы и пророки,
Как повелось на свете с давних пор,
В отпущенные им судьбою сроки
Всходили добровольно на костёр.

Когда герой себя в атаку гонит,
То думает – что б ни случилось с ним,
По крайней мере – гроб, посмертно орден,
Письмо домой и пенсия родным.

А те, о ком развеют даже память,
О ком не скажут на могиле речь,

Себя, не дрогнув, обращают в пламя,
Чтоб искру правды в ком-нибудь зажечь.

Они не ждут посмертную награду.
И я встаю, с почтением шапку сняв,
Пред тем, кто на костёр идёт за правду,
Пусть даже в этой правде он не прав.

Павлов

По морю шла эскадра до Цусимы,
Готовясь к отражению атак,
Из чёрных труб валили клубы дыма,
А Павлов оперировал собак.

Царя попёрли, и матросы в Зимнем,
По всей стране – разруха и бардак,
Весь старый мир как будто смыло ливнем,
А Павлов оперировал собак.

Со сцены пел Шаляпин мощным басом,
Творили Мандельштам и Пастернак,
С кулачеством покончили как с классом,
А Павлов оперировал собак.

История – жестокая и злая,
Как всё случилось, не поймём никак,
Но каждый двоечник в России знает,
Что Павлов оперировал собак.

Мария Колосниченко

Магистрантка филологического факультета ВГУ

* * *

Нестись куда?
Быстрее, быстрее!

Электрический ток
Социальных сетей.

Эта жизнь состоит
Из дверей и замков.

Незнакомых проспектов
Чужих городов.

Взять всю жизнь в кавычки,
Не в укор электричке

И чужие привычки
Ненароком принять.

В голове лишь таблички
А на сердце печать.

Константин Кондратьев

*Выпускник экономического факультета ВГУ.
Член клуба поэтов «Лик»*

* * * **(Реквиемчик)**

Ксюше, melopsittacus

Сизый ледок под лопатой хрустнул.
Выковырнув ржавую гайку,
ямку расширил – и безыскусно
похоронил под берёзкой русской
жёлто-зелёную попугайку.

(Эту берёзу рядом с железной
дорогой как раз посадил я весной
такой же: чахоточной, болезной... –
и на краю стоял бесполезной
корабельной сосной.)

Глаз семафора налился красным.
– Спи, моя попугайка, прекрасным
железнодорожным сном!..
Пусть тебе снится на бинтике гайка,
потом пропахшая рыжая майка –

(глядь, и помянет наша хозяйка
о писаре волостном).

* * * **Государыня (акапелла)**

«...помнишь ли, как строили дом?..» (с)

Угол завалили, когда строили –
то ли спохмела, то ли с испугу:
вьюга прикатила к нам с гастролями
бахову наверхенную фугу.

Накосяк легла кривая матица –
«ничего!..» – обшили ветхой дранью,
раз метель стеной по шпалам катится
и гобоя вой кромешной ранью.

Забелили сизую извёсткою,
отлакировали политурой:
«ну, авось...» – вот так она и свёрстана,
капельмейстерская партитура.

Здесь теперь несладко в ночь поганую,
окаянную – сквозит и дует в щели,
выдувая в трубы глушь органную,
изнывая блажь виолончельную.

Но зато здесь всклянь простор Свиридову
и вольготно пыльному Бортнянскому.
И легко слизнуть слезинку Фридову
языком шершавым волку брянскому.

А когда в окне звезда печальная
вдруг восходит над косою крышей –
подступает тишина венчальная,
так что слышны коготки подпольной мыши.

...Кошка сиротливо в ноги тычется,
окликает матушку по имени...

Помяни ж, всеильная Владычице,
и от окаянства отжени мене.

* * * (Isla de la Libertad)

Первый глоток спиртного –
из бутылки Havana-Club.

Первая до тошноты затяжка –
цигарка без фильтра Ligeros.

Первое откровение: что отец мой – простой завлаб
славной эпохи времён позднего эсэсэсэра.

Первый сексуальный опыт –
с мулаткой во влажных снах.

Первый опыт подростка –
секс под дребезжанье трамвая.

Первый опыт мужчины:
когда отец, башмаки не сняв,
валится на диван, а я его добиваю.

Невыносимая лёгкость дружественных сигарет.
Невыносимая тяжесть мира, где правит Эрос.

Первый поэтический опыт:
спит и Главлит, и главред
на даче – и некому сказать мальчику для примера:
мол, да: «рюмка рома», Россия, Лигейя, мера-с...
– регги на первом курсе под 40-градусный бред...

...В углу за ножкой дивана – детский марок альбом.
Папа давал полтинник, и я ездил на улицу Мира
в магазин «Филателия». А после стучался лбом,
но не отзывалась на стук наша квартира

на верхнем этаже хрущёвки с балконом в
больничном саду:
старые тополя там волнами шумели спесиво...
Больше всего у нас в школоте ценился ряд
серых серийных зазубрин
с красивыми буквами СИВА...

Первый опыт эдипа – ладонью закрыть глаза
отцу. И увидеть теми, выколотыми в детсаду
глазами:
в паутине махровой угол. А в углу – прадедовы
образа...

И повернуться на другой бочок и вернуться к маме.

А потом всю бессонную ночь
вслушиваться над морями
в отчужденный взгляд отца.

Garden Hermit

«...der Himmel über allem»

Под зиму дождь прошёл по саду,
прошёл и обо всём напомнил:
лицом к лицу не увидать лица.

Стекают струи по фасаду,
и, вдохновеньем преисполнен,
– кончерто гротто тут с конца.

Над дачами сосной столетней
стоит, как тать, черноголовка
– с иголок капли на лице.

Закатный луч струной последней
тихонько лопнул, так неловко
на мокром оскользнув крыльце.

И напрямик сквозь мокрый ельник
страны берёзового ситца
сквозит валторна и гобой.

Посудой звякая, отшельник
ворчливо спорит да бранится
с самим собой, с самим собой.

Внутри омытого пространства
стекают струйками боренья
и каплет с жёлоба роса.

– Поверх труда и постоянства
вернее трезвое смирение:
Россия, лето, осень... Небеса

* * * (Поствольтерьянство)

«...faut cultiver son jardin» (с)

Роскошные шиньоны гортензии
срезаю – укрываю ими глицинии.
Нисколько я не в претензии
на это утро в мелких стразах и инее.

В моих краях оно вот так вот и водится:
всё идёт своим чередом –
то цветёт и со мной хороводится,
то накрывается бурым рядом.

Ну а в полярном морозов преддверии
полог алькова уже кем-то соткан,
или саван – это по вере и
по усердию на шести ржавых сотках.

Ах!.. – с Природою роскошь общения –
как вращенье в звёздных кругах милых дам.

Поутру встаю и спускаюсь в сад. Или в ад.
Мне отмщение –
в нищете и тщете аз воздам.

Иван Крокодилов

Выпускник факультета РФФ ВГУ

* * *

В дырке крыши остановки –
Нотный стан.
Понавешали верёвок –
Я ж не пьян?

Это птицы или ноты
Наверху?
Дождь прошёл, и спать охота.
Who is who?

Вечер. Улица. Аптека.
Я не Блок.
Ты – кусочек человека,
Мой дружок.

Я придиричив и скептичен,
Тут изъян:
Весь наш мир аллегоричен,
Как туман.

Юлия Лазаренкова

Студентка ВГПУ

Багаж

У каждого своя душа болит.
У каждого свой крест и груз обид.
Нет меня для поклаж и узелков,
Ведь из себя не выйти далеко.
Минуты откровений в полпути
Деяний не умеют обратить,
И горб один не вместит чуждых тяжб –
Сам наживает каждый свой багаж,
Не зная, что понадобится впредь,
И пригодится ли хотя бы треть
В дороге жизни и в конце её.
Багаж на ленту. Это все твоё!
Теперь не скрыть ошибок и страстей,
Все тайное становится ясней,
И справедливая дана всему цена,
Назначен путь, озвучена вина.
И понимаешь, покидая свет,
Хорошего в тебе была лишь треть,
А остальное – блеск и шелуха,
Мирское облачение греха,

И этого из сердца не отнять.
 Пусть телу свежим доставался провиант,
 Но пища для души была не той,
 Лицо смешилось пошлой остротой,
 Свет радости мешался с темнотой,
 Весёлый разум дух печалил твой.
 Я не из судей, не из их гостей,
 Мне от ушедших не было вестей,
 Но совесть, остро чувствуя вину,
 Свой обретает глас и глубину
 Вскрывает, чтобы уловил мой слух:
 «Багаж на ленту. Состоится суд».

* * *

Одели в мягкую кожу,
 Отправили пировать.
 Я весел был не нарочно,
 Со мной веселилась мать,
 Я, пьян молоком и жизнью,
 Как править собой не знал;
 О том, кто меня созиддел,
 Не думал. Был мил и мал.
 Кого только ни созвали
 В числе дорогих гостей,
 Однако причиной бала
 И первой из прочих тем
 Случилось моё явление:
 В день ясный, наверняка,
 Как дар, всеми вожделенный,
 На тёплых больших руках
 Внесли меня в эту залу,
 Без шума замкнулась дверь.
 Давно меня поджидали,
 Равно, будь хоть сын, хоть дочь.
 С порога объят заботой,
 Беспрокий, но боевой,
 Поев, я впадал в дремоту,
 Проснувшись – пускался в вой.
 На миг не бывал оставлен.
 Царям так не служат, знать,
 Столь любяще и исправно,
 Как чадам отец и мать.
 Я креп и учился «делу»
 По образам мне родным:
 Стоял всё ещё несмело,
 Но шёл, шёл на радость им!
 Почувствовал жажду слова
 И залепетал затем,
 Теплом каждый звук наполнив,
 На собственном языке...
 Видел: других привечали,
 Таких же, каким был я,
 Розовым, мягким, вначале –
 И всех их желал обнять.
 Так время текло неспешно,
 Но лишь до тех пор, пока
 Вдруг зала не стала меньше
 (Прежде была велика).
 А прежде... Забылось много.

Здесь воздух иной теперь,
 И ближние у порога
 Ждут, вновь растворится дверь,
 Не с тем, чтоб кого-то встретить,
 В нём юную Жизнь любя,
 А с тем, чтоб уйти за Смертью,
 Одрябший наряд с себя
 Смахнуть ледяным дыханьем,
 С ним нужды его и боль,
 Являя в деталях камни,
 В единой красе – любовь,
 Невидимые под кожей;
 Ход в мир запереть замком.
 Ввиду суеты их прошлой
 Уж всем отведён покой.
 Видна в наготу правдивой,
 Слышна, словно гром в тиши,
 Совесть. Но мудрость кончины
 В том, что дано совершить
 Последнюю добродетель:
 Уйти, ничего не взяв,
 Своё уступить для тех, кто,
 Танцуя, вращает зал.
 Я в нём и порой глазами
 Со скуки дверной проём
 Ищу, только ускользает
 С мыслью о смысле моём
 По круговороту жизней,
 Рукопожатий и чувств.
 Значит, пока я не лишний.
 И пусть.

Оксана Лесовик

Старший лаборант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ВГУ

Люб-лю, люб-лю

Два выдоха. Двое стоят под снегом.
 Люб-лю, люб-лю.
 По городу скачет декабрь пегий.
 Люб-лю, люб-лю.
 Снежинки горят под фонарным глазом.
 Люб-лю, люб-лю.
 И паром во тьме застывает фраза.
 Люб-лю, люб-лю.
 Два слога прошепчут тихонько снова.
 Люб-лю, люб-лю.
 Хватают за хвост бесконечность слова.
 Люб-лю, люб-лю.
 А слово с собой вереницей тянет.
 Люб-лю, люб-лю.
 Две щетки зубные в одном стакане.
 Люб-лю, люб-лю.
 Покупку колёс для автомобиля.
 Люб-лю, люб-лю.

Сервиз: одно блюдце вчера разбили.
 Люб-лю, люб-лю.
 Пусть бьются ещё, это на удачу.
 Люб-лю, люб-лю.
 А все остальные лежат на даче.
 Люб-лю, люб-лю.
 За этим «люблю» будет плач младенца.
 Люб-лю, люб-лю.
 Обои, аптеки и полотенца.
 Люб-лю, люб-лю.
 Посыпятся радости и невзгоды.
 Люб-лю, люб-лю.
 Потянутся, засеребрятся годы.
 Так не замолкай, шепчи декабрю.
 Люблю.

Стою у маминой калитки

Стою у маминой калитки,
 Вдыхаю запах диких роз.
 Когда-то я здесь тоже рос,
 И розовели маргаритки.
 Летали стаи голубей,
 Смеялись дети возле речки,
 И лето было бесконечно,
 И небо было голубей.
 Как не разрушить волшебство?
 Как мне войти ещё раз в детство,
 Соседям бросив горсть приветствий,
 Не ощутить, что всё мертво,
 Что явь стоит перед лицом,
 Она поблёскивает тускло,
 Тропинка к дому стала узкой,
 И поросло травой крыльцо.
 Смотрю на вросший в землю столик,
 Смотрю на домик и скамью.
 Стою, стою, стою, стою
 И понимаю, что не стоит.

Настоящее

Таёт хвойная смола.
 Беспоконное, шуршашее
 Воробьитса настоящее
 У елового ствола.
 Здесь бобину ленто-лет,
 Начиная с понедельников,
 В голубой штриховке ельника
 Перемалывает в свет,
 Перечёркивает горести,
 Оставляя только лес,
 Там, где гнездятся убористо
 Птицы в лапах у небес.
 Там влечёт меня манящее –
 Вот бы только не спугнуть! –
 И щебечет настоящее,
 Наступая по чуть-чуть.

Архыз

Я горы променяю на гранит.
 Хотя порой жить хочется южнее,
 Но дома солнце чуточку нежнее,
 Чем то, что в листьях персики теснит.
 Кипит бурлящий матовый Архыз,
 Он, как в песок, уходит в мою память
 И должен в ней глубокий след оставить,
 Как он когда-то путь в горах прогрыз.
 Останутся в ней клевер полевой,
 Бока коров, проплывшие в тумане,
 Подвядшие цветы в моём кармане,
 Июль, что пахнет скошенной травой,
 Вода реки, солёная на вкус,
 Мелькнувший на секунду блеск форели,
 Как кампсисы цвели или горели,
 И в дымке голубой мелькал Эльбрус.
 Запомнится, останется в веках,
 Пусть искрой затухает жизнь людская,
 Но будет течь и дальше, взгляд лаская,
 Холодная, бурлящая река.

Екатерина Макушина

*Выпускница юридического факультета ВГУ. Лауреат
 Исаевской премии. Член Союза писателей России*

* * *

под окнами директора средней школы
 белая клякса-многоножка
 и крупные пляшущие буквы

спасибо ивану ильичу что сделал из меня ху

дальше
 то ли места не хватило
 то ли краски

Иван Ильич приходил
 хватался за сердце
 бранил бесстыжую молодёжь
 уж он-то к ним и так и сяк
 а они
 они

приезжала скорая
 поставить Ивану Ильичу укол
 измерить давление
 медбрат курил
 кивал на надпись
 сплёвывал

приезжала комиссия из РОНО
 постановила
 немедленно смыть

а лучше закрасить
нежным густо-зелёным цветом
типичным для школ
и детских садов
и следственных изоляторов

приходил Фомин из девятого В
и Лукьянов из десятого Б
второгодники
Фомин мыл-мыл
не отмыл
Лукьянов лил-лил
не залил
а впрочем больше курили
и ухмылялись

была ещё Ленка из первого А
рвала одуванчики на футбольном поле
сдувала пух глядела на надпись
улыбалась

«какой он славный
Иван Ильич
и сделал кого-то художником»

* * *

Но, говорят, у каждого ростка
Своя тоска. А осень так близка,
И я иду, распахивая полы
Потёртой куртки. Первая строка
Приходит, как всегда, издали –
Ловлю её, и поднимаю с пола,

Снимаю с ветки нитью паука.
Моя рука не камень для броска –
Пригоршню леденцов в кармане греет.
И, может быть, по праву пустяка
Сойдёмся мы, как лодка и река,
Как девочка и шар, гора и гребень.

А нет – так нет... тоски на дне зрачка –
На два глотка.

* * *

Знаешь – хочется сесть за письмо,
Но не хочется
Сесть
За письмо,
Да и вряд ли ты разберёшь мой почерк

Будут сбиваться, срываться строчки,
Не вмещаясь в синюю клетку
Скомканного тетрадного листа

А ведь я могла бы о многом,
Почему-то сегодня хочется
О фотографиях

Помнишь – всюду склады, заводы,
Ржавый хлам по правую руку,
А по левую – забор с колючей проволокой

Как же сладко толкает в рёбра
Солнце, выходя на минутку,
Разливая алые отблески по железу

Главное – ухватить момент,
Унести с собой в телефоне,
Выложить в подходящий паблик,
Можно даже к себе на обложку

Долго-долго смотреть и вздыхать:
Пустяки, это просто фабрика,
Это старая проходная.
Свободны все.

Василий Нацентов

*Магистрант факультета географии, геоэкологии и
туризма ВГУ. Член Союза писателей России и Сою-
за писателей Москвы*

* * *

Моей Л.

Когда наступают последние дни листопада –
и липы и клёны давно облетели,
и вот начинают дубы и берёзы –
бояться не надо
ни слишком высокого неба,
ни твёрдости мысли и чувства,
ни ясности прозы,
ни строгого взгляда
любимой
на поздней тропинке,
где только осталось по ветке –
берёзы и дуба –
и всё облетело.

Мы жмёмся друг к другу
(мы всё же друг к другу привыкли),
как листья за лето.
Как залита солнцем поляна,
как много последнего света,
как рано!..

* * *

!
В ноябре остается не много добра:
поздних яблок – фонарики,
мягкий подмерзший шиповник.
По садам (что-то прошлое)
в балку спускаешься –
птица! – оживляет ландшафт
и маячит, как мушка в глазу.
По следам – и – свои оставляешь следы –
робкой памяти светлую мету.

Отругаешь меня.
 (Таракана ей, видишь ли, жаль!)
 Но помиримся после
 И выключим свет на неделю.
 Затеряется в днях
 насекомая наша печаль,
 улетающая за поле
 пернатой дорогой апреля.

И покатится так,
 как под горку на велике, жизнь,
 чикчирикающая с нами
 на солнце – тепла его ради.

 Таракан – вот дурак
 дохлый – памятью счастья лежит –
 передавлен стихами
 в забытой на полке тетради.

Получше

Проснёшься – осовелый полуношник,
 как Чебурашка в дантовском лесу.
 Внутри стихотворение дотошно
 грохочет: хоть станцуй, хоть нарисуй.
 Но вдруг – молчок. И пристально, как Будда,
 буравит люто: всё лютей, лютей.
 И чтобы записать его – как будто
 по углям прошагаешь, по воде,
 по Млечному Пути и дальше даже –
 куда Персей Горгону не гонял...

А после непременно кто-то скажет:
 «Помилуйте, какая же фигня!»

Но верить злопыхателям не надо.
 Наплюй на них с вершин своей души.
 ...И просыпаясь, как в горниле ада,
 ещё одно – получше – напиши.

Эльвира Пархоц

*Выпускница филологического факультета ВГУ.
 Работает в лингвокраеведческой лаборатории
 им. проф. В. И. Собиенниковой при кафедре славян-
 ской филологии. Член Союза писателей России*

О козе отпущения

Положи мне на спину
 уставшую руку под вечер.
 И останется алый
 негаснувший след.

Это отсветы флагов и угли пожарищ,
 Это маки платков на воскресном снегу...

Через стылое поле,
 клеймённая жаром ладоней,
 Боль твою пронесу
 меж моих желтоватых рогов.

Ледяным молоком тихо полнится вешнее небо,
 И приникнул к сосцам его – звёздам –
 волчонок-туман.

Песня о лебедях

Ни зима ни весна. Пожилому редактору в оттепель
 Я везу лебедей с ледяными крылами.
 Беспокойные лебеди снежно шуршат,
 Чешут клювы, шипят на меня из коробки,
 Как позёмка, скребущая лапами наст.
 В одноместном купе индевеет багажная полка.
 Проводница вздыхает: «Недавно возили жар-птиц –
 Чуть вагон не спалили...» Прозрачное колкое пёрышко
 Опускается на пол, становится каплей: линияют.

А редактор, послушав, сказал:
 «Не бывает таких лебедей.
 Будьте прощее, теплее. Смотрите попутчикам в лица.
 Подмечайте сплетения рельсов, копите багаж...»

Уезжаю. Колышется, лязгая, темень.
 За окном в пелене пропадают и снова кружат,
 Оставляя на стёклах рубцы, непослушные лебеди –
 И поют. Или вьюга звенит в проводах.

Из цикла по роману М. Петросян «Дом, в котором...»

I. Волку
 По замёрзшим лесам –
 Снежный скрип колеса.
 В серой шерсти тумана – репейники звёзд.
 Не взойти, не шагнуть на разошедший мост
 Паутиной реки.

Ты, оскалась, глядишь в темноту.
 В лунной проруби плещется мгла.
 Снова бредни плету,
 А ведь тоже могла
 За флажки.

II. Письмо из Чернолеса
 За окном прорастает ночь,
 Как заснеженный чёрный лес.
 Перевёрнутый лунный чёлн.
 Не истлеть

И на дно не залечь костыми –
 Я сломаю немую стынь
 И осколки сожму в горсти.
 Только жди,

Только слушай стеклянный звон
В перекатах метелей-волн,
Талый шёпот среди стеблей —
О тебе.

Павел Пономарёв

Аспирант факультета журналистики ВГУ, главный редактор газеты «Воронежский университет». Председатель Воронежского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России

* * *

Ты судишь перед смертью о былом,
И писаное рубишь топором,
И медленно, но верно устаёшь.
Когда уйдёшь... Нет! Весь ты не уйдёшь —
Уйдёт под лёд растаявшая дрожь
Твоих следов на мартовском снегу.
«Нет, весь я не умру...»

.....

В невыспавшемся утреннем бреду
Догнать тебя,
Узнать, остановить:
«Быть иль не быть?»
Калитку отворить,
Оставшись по ту сторону двора —
«Пора, мой друг, пора!»

.....

Теперь один — до дома, со двора —
Ступай по ра-
дости
до стихнувшей любви.
Сирени перед выходом нарви
Перед грозой — в саду у старика.
Теперь пора.

.....

И от воды устанут облака,
На небо не взглянувшие без слёз.
Я прятался под деревом от гроз,
В обход ища на кладбище дорогу.
«Ночь тиха. Пустыня внемлет богу...»
Не стой в грозу под деревом — и я
Ни дерева, ни капельки не стою.
И звезда с звездой...

А мрамор не умеет говорить,
И дерево на кладбище горит,
И на гранит с грачиного гнезда
Обугленная падает звезда —
Ещё не свет, хотя давно не свят;
Но может свыкшись с райскою потерей,
Растут невнятно розовые тени
У колокольни, где святые спят.

.....

Они встают, о помощи прося
У церковки игрушечной, но церковь
Воронкою уносится от них.
Они встают и строятся в аминь,
Сомкнувшие над куполом ладони.
Ладонь к виску. Ладонью по иконе.
В руке его не дрогнет пистолет.

Свеча горела на столе.
И падал воск на руки из-под век.
И умер обгоревший человек.

Сергей Попов

Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ. Лауреат ряда российских и международных литературных премий

* * *

Подозревал, что бог следит с балкона,
когда к подъезду шпарил от угла,
где на шестом ещё во время оно
слепая радость с присвистом жила.

Икона стиля там квартировала,
неотразимый ангел во плоти —
краса и гордость целого квартала
с необычайной жизнью впереди.

О, как она смеялась и курила!
И целовала в щёчку дурака.
И полыхали ногти из акрила
огнём беды у самого виска.

Вот это счастье сдуру обломилось!
Лихая чёлка, кольца, каблук...
На божий гнев похожа божья милость.
Но рассуждать об этом не с руки.

В отливах парикмахерского шика,
в разводах забугорного шмотья
смотрелась восхитительно и дико
та, что любила сладко и шутя.

И было что-то этакое в пепле,
что стряхивала цепким коготком –
и мужики корёжились и слепли,
не вспоминая больше ни о ком.

Да он и сам – уже почти что в коме –
предполагал, что это навсегда.
И ничего нет правильнее кроме
всегдашнего явления сюда.

И рассуждать бессмысленно про это,
но разве с непривычки разберёшь,
как быстро пепелится сигарета
и наглухо накатывает дрожь.

И на груди тускнеют побрякушки.
И по кварталу журится листва.
И протрезветь охота как из пушки,
хоть – ясен пень – живём лишь одна.

И вся любовь – обратная дорога,
где деревья, красуясь и дрожа,
запоминают лишь улыбку бога
с последнего сквозного этажа.

* * *

Сумерки хрупки. Вода холодна.
Ранний апрель равнодушен и гол.
Предполагать, будто правда одна,
не позволяет лукавый глагол.

Двадцать минут – и шаром покати
вдоль по главному облезлому дну,
где поперёк световые пути
слепо линуют обманку одну –

будто придётся поверить глазам,
очередную весну одолеть –
чтобы хранитель откупорил сам
честного слова заклётую клеть.

И полыхнула студёная тьма
всем красноречьем речной тишины,
чтобы сходящему в полночь с ума
звёзды бесстрашия были даны.

* * *

Аперитив, подвядшее желе
дрожат в потёках робкого восхода,
как чёрный ангел Шиле над шале
под Веной восемнадцатого года.

В могиле Климт. Беременна жена.
Победной спесью дышит Мировая...
Но, как на грех, важнее тишина,
чтоб любоваться, глаз не отрывая.

Порнограф, уголовный фигурант,
безумья покаянный привереда,
по межсезонью сам себе не рад,
хоть и казалось – вот она, победа.

Он первый, он единственный теперь.
Наследный принц, последняя оторва.
И сколько ни указывай на дверь –
слаба любая здешняя контора.

Но воздух гнилью намертво пропах.
Дунай несёт имперскую отраву.
Аперитива привкус на губах.
И где десерт, положенный по праву?

И почему здоровье горожан –
такая увлекательная тема?
Вовек не выбирал и не решал,
а бредил нескончаемостью тела...

И отчего боятся как огня
везде обыкновенной лихорадки?
Крут карандаш, а прочее – фигня,
покуда всё с бумагою в порядке.

Война, война. Кафешек огоньки.
Худых натурщиц острые коленки.
Такая мерзость в воздухе с реки,
что сыростью коробятся нетленки.

И выпадает верить наобум,
что всё решится нынешним накатом...
О чём печаль? К чему весь этот шум?
Зачем привязка к выставкам и датам?

Когда уйдёт испанка в никуда,
родится сын, смирятся доброхоты,
искусство завоюет города,
глухие и надёжные до рвоты.

И что за осень ляжет над водой!
И что за грифель грянет в одночасье!
И ангел слёз, до дрожи молодой,
расскажет всё про призрачное счастье.

* * *

Кто взял и по-тихому сплавил
значенья вещей и времён,
чтоб снился, угрюм и бесславлен,
картёжнику дальний район?
Там столько происходило,
что кровь закипала к утру,
и щерился хмурый водила,
газуя на встречном ветру.

С трудом бессознанка и сказка
делили жилплощадь в мозгу,

и мчалась упрямо и тряско
«волжанка» через не могу.
Шутя восходили маршруты
до звёзд в папиросном дыму,
но не было лишней минуты
подумать о них самому.

Они волокли на удачу,
где низкое небо черно,
и ветер плясал «кукарачу»,
ломаюсь в боковое окно.
Чтоб тяжко проснуться и грезить
ещё наяву не вполне,
как где-нибудь лет через десять
появится солнце в окне.

И будет рассказывать некто
неясно кому и на кой
о поздних дорогах субъекта
с таблеткой для сна за щекой.
Как тот перед близкою тьмою
считает ночные ларьки
и бредит сумою-тюрьмою
и злым огоньком у щеки.

И не замечает похоже,
что диски слетели с осей
и определяется Боже
владеть ситуацией всей.
Судить, как затачивал перья
для чистого в стельку листа
без просыпа урка неверья
и небу грозил неспроста.

Служил на профессорской пайке,
где стыд квартирует и срам,
и, множа фейсбучные лайки,
витийствовал по вечерам.
Чтоб дама крестовой печали
в потёмках прощалась шутя
и лишь пожимала плечами,
как сбитое с толку дитя.

* * *

Что за манера кричать во сне,
тряпки выкидывать по весне,
по бездорожью шататься всласть,
взять и до осени запропасть?
Вдруг объявиться, затеять пир,
пасть на кушетку без задних ног.
старые сны засмотреть до дыр.
И не отчаяться, видит бог.
Шарит луна по твоим лесам,
блики крадутся по волосам.
И занимается над тобой
пламень забвения, невесом.
Прежние люди идут гурьбой,
переполняют собою сон,
всё норовят отворить сезам –

всё по глазам прочитать как есть –
бомж, негодяй, утешитель вдов.
Только куда им такая честь.
Сочен рассвет и почти бордов.
Ты неумытая наяву.
Ставить ли пришлое во главу
снятого за гроши угла?
Я здесь работаю и живу.
Скоро рассеется эта мгла.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета ВГУ

Яблоки

У продуктовой лавки было людно,
плевали на мороз якутский, лютый,
на всякие заботы и дела.
С кошёлками и сумками стояли:
не что-нибудь, а яблоки давали,
за яблоками очередь была.

Стоял и я в той очереди бойкой,
струился запах ароматный, тонкий,
неволью привлекая и дразня.
И не беда, что возникла давка,
я все-таки добрался до прилавка,
но яблок не хватило на меня.

Угрюмый тип, от выпивки опухший,
честил начальство, но завмага уши
как будто запечатала пурга,
с его лица степенность не сходила,
перебирал он ящики уныло:
пустые, мол, и вся тут недолга.

Не повезло мне, сник я от обиды,
но кровельщик Степанов, крепко сбитый,
наверное, медведя посильней,
бока корзины, весело раздвинув,
отсыпал молча яблок половину
в нутро авоськи простенькой моей.

Шабашил он в строительной артели,
его стихи есенинские грели
про тот вечерний несказанный свет...
Да он и сам был чуточку поэт.

Сказать спасибо не успел я даже,
как он исчез куда-то. Ну а дальше:
я брёл домой, как будто в полусне.
Искрился воздух новогодним светом,
а яблоки дышали тёплым летом,
и солнце подрумяненным ранетом
висело в изумлённой вышине.

Футбол моего детства

Воронеж, «Труд», футбол пятидесятих – он был, конечно, больше чем футбол, хватало их, болельщиков завзятых, увидевших не раз победный гол.

Смотрякин, Зотов, Горностаев, Радин...
О, как звучали эти имена.
Я школу пропускал футбола ради,
потом учил уроки дотемна...

А мяч скользил в траве замысловато
и словно прилипал к моей ноге,
не зря болели за меня девчата
из нашего седьмого класса «Г».

Ну а когда меня чуток подбили,
в штрафной площадке, в грубой толкотне,
соклассницы мои едва не взвыли –
и бросились отчаянно ко мне.

– Да вы чего? – хотел я отшутиться.
Присвистнул Женька: «Наш Арканя лих!»
Запомнил я улыбочивые лица
насмешливых товарищей моих.

А Женька чуть прихрамывая рядом,
подстраховать любого был готов,
он стал потом талантливым инсайдом,
играющим в команде мастеров.

Ругала нас тринадцатая школа,
а мы не знали за собой вины.
Мы были патриотами футбола,
Воронежа и всей большой страны.

Напоследок

Самобытный голос редок,
ну а мой ослаб и стих.
Я хотел бы напоследок
написать хороший стих.

Зябнут мартовские вербы
на подтаявшем снегу.
Я хотел бы, я хотел бы,
я хотел...да не могу.

Нищий думает о хлебе.
Ну а я гляжу туда,
где почти погасла в небе
путеводная звезда.

Валентин Рахманин

Вечный студент ВГУ, участник и организатор Дней поэзии с начала 1950-х гг. Доктор философских наук, профессор

И нет сокровенней лекарства

*Как хороши, как свежи были розы.
И. С. Тургенев
О. Р.*

Помнится с детства донине:
Не в ароматах роз, –
На вольных ветрах полынных,
На трудных хлебах я рос.
Тонул в суетливых трясилах,
Но вопрекор разносной пурги
Озон омывал полынный
И душу мою, и мозги.
Я сокрушённо не охал
Во всю небесную синь.
Со мною дышала эпоха –
Моя родовая полынь
Надеждам не даст остынуть,
Когда пробирает дрожь.
Бывает правда полынной;
В соблазнах гуляет ложь.
И опускаясь в глубины
Не жизни, а бытия,
Доверчиво правдой полынной
Делились со мною друзья.
Степные ветры ковыльно
Тоску изливают вслух.
Но явная горечь полыни
Таит исцеляющий дух.
И нет сокровенней лекарства
В любую житейскую стынь.
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Моя родовая полынь».

Профессору Б. Я. Табачникову

*У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.
Ф. Тютчев*

К этой тайне ключи потеряны,
На судьбу напрасно пенять.
Завещанию Тютчева верю,
Но хочу Россию понять.
В разворотах пустых суеверий
Долго ей предстоит кружить
И аршином рыночным мерить
Исторические рубежи?
У неё неоглядные дали,
А за далью скрывается даль...
Но когда ей концы предрекали,
Светозарно горела звезда.
Бытие раскрывает время,
Побуждает спрягать и склонять.

Но загадочней нету проблемы –
Сокровенность России понять.
Над Россией качается небо.
Но она своевольна в судьбе:
Создала неизбывный свой ребус,
Затаила разгадку в себе.
Шар земной с нею кружит усердно;
Солнце в небе держит свечу...
Принимаю в России всё к сердцу,
Но понять Россию хочу.

Воронеж

Ты меня не вспомнишь.
А я тебя люблю.
Какой волной меня накроешь? –
Я всё перетерплю.
В твоей предбудущей судьбе,
В лихой мороз, в дурную слякоть
Не о себе я буду плакать,
А чем-то помогу тебе.
И что бы в жизни ни случилось,
И память разойдётся с былью,
В моих забвениях не утонешь:
Ведь я люблю тебя, Воронеж.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета ВГУ

* * *

Размахивая в драке кулаками,
Когда из вас наружу рвётся зверь,
Не хлопайте рассерженно дверями, –
Пожалуйста, придерживайте дверь.

Не зная, что же будет дальше с нами,
Гадая, что потом, а что теперь,
не стойте истуканом пред дверями, –
Пожалуйста, придерживайте дверь...

Стремительно считая дни за днями
В потоках обретений и потерь,
не забывайте тех, кто за дверями, –
Пожалуйста, придерживайте дверь.

Антипандемийные стансы

Хроники Oui Russo. 35-й день...

А я забыл, что на дворе весна,
А я забыл, что через месяц лето...
И комната становится тесна –
Бессмысленная клетка для поэта...

А я забыл, как правильно дышать,
Чтоб крылья расправлялись за спиной...

И в сумерках больничная кровать
Струится на пол белой простынёю

Наутро Откровением Творца
Весенний дождь омоет снова крышу..
И я услышу пение скворца,
Когда-нибудь, но обязательно услышу!

Самоизоляционно-оптимистическая

Посвящается всем!

P.S. На известный мотив

«Когда воротимся мы в Портленд»

Когда избавимся от хвори
И выкинем лекарства эти,
Мы будем счастливы, как дети,
И станем всех любить на свете.

Когда избавимся от хвори,
Ходить друг к дружке в гости станем
И поимённо всех помянем,
Кто в эти дни, увы, не с нами.

Когда избавимся от хвори,
То воздадим с лихвой прогулкам –
По площадям и переулкам
Мы будем шляться ночью гулкой.

Когда избавимся от хвори,
Мы в тот же день захватим рынки,
Набив припасами корзинки
От зеленушки и до свинки.

Когда избавимся от хвори,
Пир на весь мир тогда закатим
И до копейки всё потратим,
Всё раздадим врагам и братьям.

Забудем беды все и вскоре
Рванём, счастливые, на море,
Где белый парус на просторе
И не твердит никто о хвори!

Аман Рахметов

Давний участник Дней поэзии ВГУ. Выпускник Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Подъём», «Новый берег»

* * *

я был дежурным прозрачного цвета
потом наступила весна
конечно
зима цеплялась за плечи прохожего
как лай собачий

но деревья уже покрывались зелёным жиром
и редкие куски снега
казались детской неуклюжестью
я вышел на улицу и отправился в парк вторых
свиданий
его ещё называют кольцовским сквером
именно там
в пустом бассейне нерабочего фонтана
я увидел настоящего снеговика
последнего снеговика
в этом городе
я подумал да это хороший образ
обязательно напишу стихотворенье
позвоню друзьям прочту его и мне скажут
да это очень хорошее стихотворение
отправь его в какой-нибудь журнал
но ничего не вышло
образ растаял

Зеркало

1.
что-то промелькнуло незнакомое
лёгкое прозрачное глаза
бьются о стекло как насекомое
чтобы ничего не рассказать

это не слепое преступление
ветер произносит облака
длинные как тень стихотворения
где упоминается река
2.
ты не наступал ты перешагивал
шёл через людей и не смотрел
в зеркало имён в погрешность магии
в лучника без лука и без стрел
3.
только выступающие хлопали
небо обнажалось
это всё
крайний поцелуй в Константинополе
в тёплый абрикосовый висок

* * *

и всюду – странные соседи
одни молчат другие стонут
но среди них есть кто-то средний
полуживой и полусонный

глаза всегда полуоткрыты
и губы редко создаются
потомок мужественной рыбы
ребёнок нежной эволюции

и ты такой же то бишь где-то
необходимый где-то лишний
в глазах коричневого цвета
других оттенков и не слышно

бывает солнца не дождёшься
сплошная ночь в строевой стойке
и ты до музыки проснёшься
начнёшь копать в книжной полке

как вдруг из книги из случайной
живых цветов сорвётся абрис
и надпись выпадет: «скушаем.
твои цветы. наш новый адрес»

Лев Рудковский

Выпускник естественно-географического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Сотрудник Зональной научной библиотеки ВГУ. Член Союза писателей России

Горная смола

Спешила тёплая волна
На зов разбуженного моря,
И подпевала, ветру вторя.
А ночь прохладна и темна:
Нас звёзды разом окружили,
О чём-то тихо говорили...
В Солёной бухте рассветало,
И чайка белая летала
Кругами низко над землёй.
Деревья замерли на скалах,
Давно пропитанных смолой –
Там слёзы горные пролились,
Где духи яростно сразились,
Застыв причудливо на склонах,
Сверкая золотом червонным.
Под корневищами берёзы –
Капель диковинного сока...
Тогда, над берегом высоким,
Шумели утренние грозы.

Радуга

Быстротечное лето.
Пробужденье небес.
Бледно-розовым светом
Озаряется лес.

Облака, словно вата,
Невесомы, легки –
Это рати крылатой
Боевые полки.

В предвкушенье прохлады
Оживилась земля,
За деревьями сада –
Ржи золотые поля.

Мостик радуги длинный
Разноцветной дугой
Засиял над равниной.
Тишина и покой.

Волшебство мироздания:
Мостик ждёт. Поднимусь
Предрассветною ранью.
Вот она – моя Русь!

* * *

Тревожно, сыро, неуютно –
Вода текла в кромешной мгле.
А я один на всей земле,
В водовороте пены мутной.

Пел водопад. Седые скалы
Здесь с незапамятных времён.
А звёзды тысячью племён
Вступили в бой с зарёю алой.
И показалось в шуме вод,
Что это всё когда-то было:
Закат – лиловые чернила,
И догоравший небосвод,
И гор знакомые подъёмы,
И волны тёплые у ног...

Нет, парус мой не одинок –
Душа рассветами влекома...

Алексей Серёгин

По специальности резчик по дереву. Член воронежского клуба поэтов «Лик». Стихи печатались в местных изданиях, в альманахах «Пегас», «Мост» (Санкт-Петербург), «Образ» (Москва), «Альманахе поэзии» под ред. И. Фридриха (США)

* * *

Календарь кто считает от Рождества Христова,
Кто от Будды считает, а кто от места пустого,
Кто-то радуется, что год миновал,
кто-то – новому году,
Кто о будущем думает, кто про погоду...

Календарь листаем, а время идёт отдельно,
Не считаясь с нами, плетёт кудель, но
Есть любому место в такой кудели,
Всё запутано – мысли не охладели.

Их энергия снова вперёд толкает,
И неважно – позёмка теперь, или наледь тает,
И религия – муть, и политика нас замучит,
Только время идёт и нас ничему не учит.

Елена Смолицкая

*Преподаватель кафедры финансового права ВГУ.
Руководитель поэтического клуба «Левобережье»*

Янтарь и соль

В моей крови растворены
Твои преданья и секреты.
Звучанье пламенной струны
И вдохновенные сонеты
Напоминают о тебе,
Как соль и щёлочь, растворяясь
В воде, в земле, в моей судьбе,
К исходной точке возвращаясь.
Как сплав молекул в янтаре,
Мы были вместе каплей света;
Как снег искристый, в январе
Звенели отблесками лета;
Как соль, что отдалась воде,
Как пепел чистый и нетленный,
Мы плыли по реке...
Везде
Тебя я встречу непременно.
Ты есть во всех, во всех мирах,
Ты в каждой грани здесь расплёскан
Солёным вкусом на губах
И ароматных яблок лоском.

Сиреневый космос

Нежно космос сиреневый
манит бездонностью звёзд,
В бесконечность уводит бесстрашно,
родной и уютный.
Там нас любят и ждут,
видят лучшими,
верят всерьёз.
Плачут звёздные братья
над слабостью нашей минутной.

Но они понимают,
как труден сиротский наш путь
До тех пор, пока мы
не познали единство и цельность.
Снова строим ракеты,
но нам бы понять как-нибудь,
Что мы можем взлететь –
прямо здесь и сейчас –
в беспредельность.

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики ВГУ

Весеннее

Я у открытого окна
апрельскую вбираю благодать:
мне ветерок весенний в радость –
зимой насытился сполна...
Нечаянно он всколыхнул
воспоминанья о далёком,
совсем негромко, лишь намёком –
как скорый поезд промелькнул...
Крыльцо, дорожка... Поутру
парит земля, готовясь к грядкам,
приучен мамою к порядку –
сад отдыхает на ветру...
Но скоро яблони опять
его украсят белым цветом,
чтоб долгожданным тёплым летом
нас всех плодами угощать.

Осеннее

Инкрустация жизни – мозаика:
удивительный смальтовый сон...
Но тяжёлой строкою прозаика
свои новости вновь шлёт Харон:
вот ещё один кубик порушен,
вот ещё одна плитка отбита,
вот ещё один ключик осушен
и очаг в чьём-то доме потушен –
разрушается твердь монолита...
Затираются яркие краски,
выстригаются кадрики плёнки –
остаются посмертные маски
да геном как наследство ребёнка...

Дарья Хайдарова

Преподаватель факультета РГФ ВГУ

Мой путь

Ищу свой путь который год,
Ах, как же это сложно!
Тот вправо резкий поворот,
В итоге вышел ложным.

А влево – лучше промолчу,
Висят ещё кредиты.
Была согласна на ничью,
Но, жалко, карта бита.

Когда ж мне крупно повезёт?
Статьи читаю рьяно.
Психолог, коуч, звездочёт
Сказали – просто рано!

Не нужно время подгонять –
Наступит просветленье.
Ага, понятно, что опять
Одни нравоученья.

Мой путь, ты где? Ау! Ау!
Поддай же знак мне свыше!
Который год тебя зову,
А ты опять не слышишь...

Галина Хожаинова

*Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки
медико-биологического факультета ВГУ*

* * *

Туманная погода,
Ни дождь, ни снег.
Ушло куда-то солнце,
Пропал весёлый смех.
И серая дремота
Обволокла квартал.
И слякоти болото,
Куда б ты ни шагал.
На тополях печальных
Дрожит слеза,
Но от весны отчаянно
Блестят глаза.
И хочется в туманную
Укрыться даль.
И хочется, чтоб давняя
Прошла печаль.

Дмитрий Целиков

*Выпускник филологического факультета ВГУ. Пре-
подаватель кафедры издательского дела*

Городской словарь

В большой просторной комнате на подоконнике
стоит цветок в горшке, один, напротив – ходики,
играют с жёлтым пояском два белых котика,
плывут по синей речке вдаль три парходика,
считают мышки жизнь свою по серым хвостикам,
сигналил бежевой рукой пяти матросикам
седой пугливый старичок за низким столиком,
и светит солнышко ему прозрачным ноликом.

Во двор выходят покривить душою сверстники,
в подоле нищенка несёт на рынок персики,
по крышам бродит часовой с вертлявым венником,
он пробует его на вкус по понедельникам,
свернул направо трансвестит, узрев соперника,
пахнуло розовым вином во сне пещерника,
встречают глупеньких невест смешные фертики,
и провожают воробьи письмо в конвертике.

В кармане гвоздик перестал бояться призраков,
в романе дворник описал, как плачет изредка
в камине, ножки подобрал, кривая искорка,
читает выдумку в траве на дальних выселках
передовой специалист по германистике,
шестого пункта не хватило для статистики,
с недоумением глядит на сказку присказка,
и наконец за той стеной открылась выставка.

В тени под мраморной доской уснула ящерка,
закончил полдник духовник душеприказчика,
трепещет робкий ветерок и скачет мячиком,
играет с мальчиком жучок, играет с мальчиком,
на ветке листик отыскал число и спрятался,
поёт в часовне дурачок о том, как хвастался
горохом, лавром, кабачком, свиною жилкою
тот суп, что ели мы вчера ножом и вилокю.

* * *

Из бесконечной связки слов
Ты выхватишь ключи.
Ты будешь новый птицелов,
А я – кусок парчи.
И ты войдёшь в огромный дом,
Его зовут дворец.
Там реки в окна прямоком
Несут литой свинец.
Но я в кармане у тебя
Свернусь золотым клубком,
И ты на тонкой ветке дня
Увидишь ту, о ком
Шептал тебе, гася огни,
Венецианский лев
И бормотал «савахфани»,
Досрочно захмелев.
И ты забудешь всё, чем был,
И станешь просто так,
И трепыханье мягких крыл
Почувствует кулак.
Она прильнёт к тебе, как кисть,
Как радость и тоска.
Она желанней всех, проснись,
Начни издалека.
Она приносит всё с собой
И всё с собой ведёт.
Но ты накроешь клетку мной,
И тьма её возьмёт.

* * *

Менингит прорывается в комнату, входит дрожа,
Пробирается тёплое масло на кончик ножа,
Утихает в груди тарарам, и хирург, положи
На сердечную мышцу ладонь, обретает ежа.

Распеваётся солнце, молчит приворотно душа,
Пропадает земля, наверху, отломив от гроша,
Одноактную пьесу поёт гильгамешем Левша,
Людоеду принцесса застенчиво шепчет: ма ша.

Миллионы венков засушили, сложили в стога,
Провожатые сбрили усы и надели рога,
Нэверест закрывается в пятницу до четверга,
И за ниточку дёргает вниз твою ногу другая нога.

Повалили секвойю бобры и грызут на дрова,
С нетерпением ждёт васильков молодая вдова,
Разбежался и прыгнул в салат городской голова,
Ты не знаешь, что делать, застенчиво шепчешь: жива.

Яна Цыганкова

Выпускница филологического факультета ВГУ. Поэт-песенник. Основатель литературно-краеведческой студии для детей «Враново Стиховье», автор текстов в музыкальных коллективах «Планида» и «LesoStep'je»

* * *

Не болела.
Не думала дум.
Не могла заснуть.
А по звёздной пустыне плыл караван на Север.
Если ты вдруг предложишь вот так же
сорваться в путь,
Ни за что выбирать тебе азимут не доверю.
За песчинкой песчинка. Где вьючный идёт верблюд,
Там положено вспомнить стальное ушко иголки.
Неужели не слышишь, как с крыши опять зовут,
Просят вынести флягу, напиться воды, поскольку
Много лет караван без привалов плывёт вперёд.
Золотистая пыль, горьковатая мирра, ладан –
Направление задано. Сердцем их путь угадан.
(не названо только имя.)
Караван никогда не спит.
Караван идёт.
Отпусти меня с ними.

* * *

– Скорый поезд, скорей, скорее!
Ну, вези же меня к нему!
Только рельсы в конце аллеи
Превращаются в синеву,
Превращаются в ливни, в лужи,
Кровью налитый виноград,
А потом (что гораздо хуже)

Мягкую.
Но опять
Таю апрелем в май.

Звонкое «7:05».
Выключи
И вставай.

Ушедшему

Как в траве некошеной дурачились
У реки –
Разнесут по сёлам одуванчики-
Огоньки.

Как топили искренность у берега,
К шее груз.
Думал каждый очень неуверенно:
«сберегусь».

Как топтали искорки наивности
От костра.
Говорили: скоро бы довырасти,
Не отстать.

Из косичек выжали до капельки
Рыжину,
Зарывали звонкость в землю, плакали:
«проживу».

Как шагнули с выступа над реченькой
Их слова,
Как поток поотрывал наречия
И сломал,

Как сгорели, временем охвачены,
Души летних девочек и мальчиков
В волокно –
Так сгорят на зорьке одуванчики
Под окном.

Татьяна Шепелева

*Член Союза российских писателей, давний участник
Дней поэзии ВГУ. Стихи публиковались в журналах
«Нева», «Подъём», «Дальний Восток», «Артбухта»,
«Футурум АРТ», «День и ночь», «Интерпоэзия»,
«Тропы», альманахах «Ямская слобода», «45-я па-
раллель», «Паровоз»*

Рыба

лечь и спать нашпигованной щукой
с луком
в соевом соусе

в логосе, в глобусе
и конечно с лимоном

патефоном
фоном
до костей обнажённым
жжёным волосом
голосом –
пи-пи-пи – фальцетом
децимой и терцетом
слышите? – море шумит с акцентом
брошенный камень – центом

по велению щучьему в прорубь рыбкой
зыбкой
колыбельная – баю-баю
ничего не видела и не знаю...
по веленью щучьему
сучьему горячему
точка и запятая
за углом сарая
с краю

господи
если ты есть
может быть за спасибо
я понимаю это ведь либо-либо
сделай так чтобы я поймал рыбу
очень большую рыбу
очень большую рыбу...

Лодка. Парамарибо.

* * *

знаешь
говорит Он
давай отбросим преграды и дадим жизнь
новому и прекрасному
пусть он сучит ножками и гулит
пусть он улыбается и говорит
надеяться и болеет
а потом выздоравливает и вскрикивает: Я здесь!

знаешь говорю Я
хватит о смерти
я знаю, что она неизбежна
но уже много лет
я закрываю глаза
и бегу от неё
бегу...

Ы-вот

«Ы-вот..., ы-вот...», /тоску не объяснить/
пол-литра жизни спрятано в «ывоте»,
доверчивой душе не извинить,
того, что выгорает на излёте.
И что теперь? Ни прыгнуть, ни взлететь,

ни умыкнуть родного из бедлама...
 ...Не до краёв, а будто бы на треть...
 Но кто-то вдруг во сне прошепчет: «Мама»!
 Играй, сынок, пока не выйдешь весь
 на острие бандитского разгула,
 а мальчик был и будет. Мальчик есть,
 покуда память лжой не затянуло.
 Холодная и скользкая вода,
 а сердце – рыба или, скажем, птица,
 вдруг выпадет большая буква «А!»
 Тому, кто вздумал заново родиться.
 Нам, дурачкам, и дырочка – окно,
 в которую то видно, то не видно;
 чужак, приёмьш – серое сукно,
 но за него не будет так обидно.

«Ы-вот..., ы-вот...», /тоску не обмануть/,
 приёмных любят глухо и тревожно
 а вдруг... а может быть... а не вернуть...
 ах если бы... а было так возможно...
 А что в итоге? Серое сукно.
 Но вдруг однажды сумеречной птицей
 ворвётся не истрачено Оно,
 то, что тогда бы и должно родиться.
 И мы разинем клювы и вздохнём –
 велел да не сподобил – так и надо,
 но боже мой, мы этим и живём
 не острие всемирного разлада.

* * *

замечательный вечер
 пристальный как никто
 каждую пылинку по имени
 каждую песчинку в лицо

иногда устаёшь от этого
 кричишь во весь голос
 кричишь беззвучно:

идите на....

пылинки вздрагивают
 песчинки изображают рябь на воде

замечательный вечер
 словно бы на раз-два
 зажигает свечи
 где моя голова?
 проплывает в канале
 имени Грибое-до-ва.

* * *

«Колбаса» неспроста рифмуется с «небеса»,
 полукопчёная и сухая,
 докторская, ай ням ням,
 корова гуляет по лугу, ни о чём не подозревая,
 свинья похрюкивает. Она уверена – мир прекрасен.

Съев цыплёнка на ужин,
 думаешь:
 было ли у него мировоззрение?
 Крошечное, жалкое, узкое и нелепое,
 но:
 было ли у него мировоззрение?
 Все смеются.

Небеса атакуют –
 вот возьму и стану веганом...
 Стану слоганом, деревом, коконом,
 органом, флагманом,
 берегом,
 оберегом...

Что такое счастье на самом деле?
 Никто не знает.

* * *

О, нашествие
 жёлтых кошек,
 тёплых кошек,
 пушистых кошек,
 кошек солнечных и лучистых
 и мурчистых,
 таких мурчистых!

Впору мчаться и удивляться,
 расставаться и вновь встречаться,
 на качелях любви качаться
 и уверовать в чудеса!

Стала круглой и важной кошка,
 засияла весенним светом,
 у котят, что родятся летом,
 будут тёплые голоса!

Виктория Штанько

Студентка факультета ПММ ВГУ

* * *

Приходилось ли когда вам поздним
 вечером воскресным
 В светوشуме праздных улиц и тенях кофеен местных
 С кем-то прятаться от будней?
 Вам случалось растворяться в очертаньях
 зданий старых,
 В эхе призрачных прохожих,
 в бликах вывесок усталых –
 Пара глаз плюс пара глаз?
 Эта ночь мне не знакома, но знаком мне голос этот,
 И стихи, что он рождает, мне уже читали где-то.
 Где-то в тёплых летних снах.
 Тихо тают силуэты стульев, столика, баристы...

Ты мне снова даришь лето –
образ столь пьяняще чистый
В эпицентре декабря.
Мы сидим с тобою вечность, наблюдая за моментом,
Его лёгкость органична, и точны его акценты –
Скоротечный венский вальс...

Иван Щёлоков

*Выпускник филологического факультета ВГУ.
Главный редактор журнала «Подъём». Член Сою-
за писателей России*

Звёздные войны

Мы в «звёздные войны» играем с внуком.
Глазёнки – огонь, волосёнки – торчком.
Азарт – на Вселенную в тельце худом.
Уже монитор – ходуном, ходуном.
Внук щёлкнет по мышке – была не была! –
И сразу планета свободна от зла:
От роботов, монстров и нечисти всей,
Кто лез покорить, чтобы править на ней...
Он радостен, будто герой среди звёзд,
И верит, что всё происходит всерьёз.
Кричит: «Уничтожу и в пепел сотру
За маму, за папу, за деда, сестру...»

А я на диване поодаль сижу,
За «звёздными войнами» внука слежу.
Мне чудится детство, из палки – ружьё.
Не с монстрами бьюсь, зажимая цевьё.
Под танковый скрежет, под бомбовый свист
Я вижу, как в деда стреляет фашист.
...Смоленск. Окружение. Польша. И плен.
И мёрзлая свёкла картошке взамен.
Прикладом под дых: «Русиш швайн, не зевай,
Работай, работай или издыхай!»
...Дед выжил в аду, возвратился домой –
Герой безымянный, простой рядовой...

В растроганных чувствах я внуку шепну:
«А ну её к лешему – эту войну!
Ты храбро сражался и выиграл бой,
Теперь отдохнём на привале с тобой:
Планета по-прежнему к людям добра...»
...Игра хороша, когда просто игра.

* * *

Смотрю я за окошко,
Считаю этажи.
Ещё совсем немножко –
И небо где, скажи?!

Рос тополь – ветка к ветке,
Поодаль – бузина.

Цементной пылью едкой
Их сень поглощена.

На сук не сядет ворон,
На ветку – воробей...
Душа крадётся вором
Среди сквозных теней.

Пройдёт ещё лет тридцать,
И удивится внук:
«А что такое птица?
И для чего ей сук?»

* * *

В. Д. Лютому

Книга новая на тачке.
Типография. Мороз.
Осторожно носим пачки,
Как букеты хрупких роз.

Парень в шапочке – завскладом,
И водитель – давний друг.
Запах краски хоть не ладан,
Всё равно целебный дух.

Будто мы на шаг, но ближе
К Богу, истине, земле...
Нам бы больше умных книжек,
Не блуждали бы во мгле.

Души чаще б крепи в вере,
И в сердцах царил бы лад...
Распахнулись настезь двери –
Озарило солнце склад.

Грузим пачки – жар по телу.
И куда пропал мороз?
Не помеха холод делу,
Если в книге всё всерьёз!

* * *

С крыш на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенёчке снег – скрип, скрип, скрип...
В терпком счастье из хвойных лап
Мы на ощупь живём, на всхлип...

Нет другого – терпеть, терпеть,
Ведь терпение – жизнь и Бог...
А не станем терпеть – смерть, смерть:
Без зазыва – и на порог.

Чьи-то губы – к губам, к губам...
Чьи-то щёки – в огне, в огне...
Что обещано было нам,
Промоталось на стороне.

Лишь на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенёчке до полдня – скрип...

Вынь из сердца занозу-кляп:
Не на всхлип надо жить – на вскрик!

* * *

Еле-еле солнце в теле,
Время к ночи и луне.
Кто мы есть на самом деле
В уходящем этом дне?

Всё надеялись: износа
Свету нет и небесам.
И чертила тень вопроса
След орбиты по сердцам.

Не себя, конечно, жалко,
Не лучшей, ещё живых.
Света нет – душе не жарко,
Значит, нечем греть других.

Хоть бы отблеск, хоть бы лучик...
Ночь. Луна. И лай собак.
Ничему года не учат.
Или учат, но не так...

Юрий Эктов

Выпускник матмеха ВГУ

* * *

Человек заблудился не в лесу
и не в поле,
Человек заблудился,
ища свою долю.
И дом он построил,
и сына взрастил,
И дуб возле дома
большой посадил,
Но этим себя
успокоить не смог –
И талант свой зарыл,
отдавая всем долг.

Джабраил Яхьяев

*Выпускник филологического факультета ВГУ.
Ведущий культурных мероприятий. Руководитель
благотворительного фонда «Видеть сердцем»*

* * *

Я. С.

Пока ты спишь, холодные лучи
Рассветом проникают в тёплый дом.
Молчит прихожая, гостиная молчит.
Молчу и я, твоим любуясь сном.

Так смотрят на закат и на рассвет,
На пламя и течение воды,
Так забывают боль мирских сует
И видят свет во тьме любой беды.

В дом проникают тёплые лучи.
Ты видишь сны, а я ещё не сплю.

Пока ты спишь, вселенная молчит.
И я молчу. И я тебя люблю.

* * *

И суета, и сонное сомненье,
Самообман и вязкое «потом».
Где сторона рассвета, если тени
Смеются над тобою, как фантом?

Ты чувствуешь, как прорастают корни
Из позвонков скопившихся тревог,
Врастаешь в пол, безмолвный и покорный,
И голос твой сиявший изнемог.

Кричит окно, и жутко шепчут стены.
У шёпота знакомые черты...
Кто этот враг?
Потусторонний пленник?
Нет. Это ты!
Здесь и за дверью – ты...

Записки сонного человека

Моё погружение во внезапный сон –
Словно падение в каменистую бездну:
В ней воздух чернее моего рассудка.
И, пронзаясь моим падением,
Воздух свистит, как необдуманное слово,
Как последняя песня сойки-пересмешницы.

Я понимаю – смерть зачастую неожиданна,
Но есть сны, после которых не страшно.
И это по-своему прекрасно.

Жизнь, почему ты прячешь зёрна памяти
В неприметных вещах?
Нам нужны преодоления великого и трудного.
Мы рождены, чтоб усложнять бытие
И возвышать земное.

Из истории

Алла Беликова

Редактор газеты «Воронежский университет» с 1983 по 2000 гг.

День мы готовили в редакции. Месяца за три. Принимали участие А. М. Абрамов и В. М. Акаткин. Были и литературные критики. Очень строго относились к отбору стихов, как в письменном, так и в устном виде. Приглашали многих замечательных поэтов, в том числе и замечательного Юрия Левитанского. Мне повезло потом с ним быть долго в добрых отношениях и встречаться в Москве.

Ещё к слову о Дне поэзии. Мы, редакция, старались, чтобы в этот мартовский день всегда для участников были весенние цветы: подснежники, сирень. Была возможность, привозили из нашего Ботанического сада, если – нет, то просто сами покупали на рынке. Понятно, что старались дарить их в первую очередь женщинам. Но и мужчинам-поэтам тоже доставалось. Детям и тем, кто впервые принимал участие в нашем Дне.

Помню день рождения Аркадия Пресмана – его пятидесятилетие. На сцене был плакат с цифрой XXXXX. Хотя это был уже не 50-й День поэзии. Пригласили именинника, который, конечно же, этого не ожидал. И – аплодисменты зала... Мне даже, как ведущей, пришлось принести в редакцию два платья: одно – для поздравления Аркадия, второе – для проведения этого прекрасного Дня.

На празднике часто бывали наши гости: проректор Игорь Зорников, начальник учебной части Владимир Листенгартен, ректоры Владимир Гусев и Николай Плаксенко. Все не изменяли университетской традиции: 25 марта – День поэзии ВГУ. Насколько мы знаем, такой праздник был только у нас, а площадь Поэзии была только в Харькове. Интересно, сохранилось ли там это название? Ведь поэзия, как наука и спорт, всегда была вне политики...

Всем участникам Дня поэзии ВГУ – весны, творчества и любви!

День поэзии ВГУ 1980 г.

*Анатолий Михайлович Абрамов на Дне поэзии
(конец 1980-х – начало 1990-х гг.)*

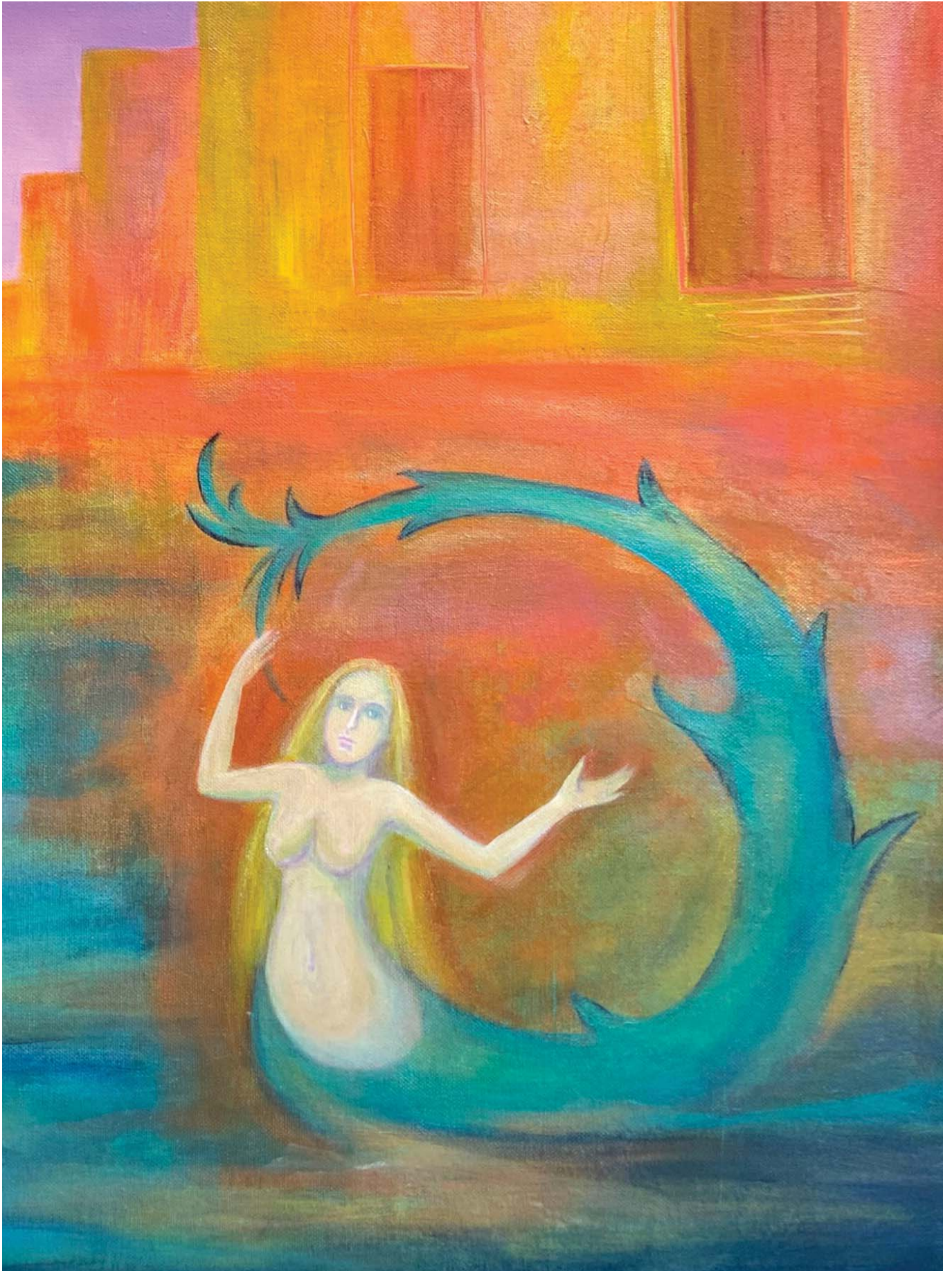
День поэзии 1977 г.

Л. Е. Кройчик. День поэзии 1971 г.

От редколлегии:

Друзья, присылайте нам сохранившиеся фотографии, сделанные на прежних Днях поэзии ВГУ! Лучшие будут напечатаны.

Фрагмент картины Алины Костриченко

Стихотворения в прозе

Алина Костриченко

*Выпускница филологического факультета ВГУ,
писательница, художница и учительница*

Я не хочу быть женщиной, которая ищет любви, но только попробуй свернуть с этой утоптанной колеи, весь мир тебя тащит назад, в эти сопли и вопли, и ты обязана по ним брести, страдать и скучать, мечтать, встречать, не отпускать и ждать. Я и не ишу, я ничего не делаю для того, чтобы найти, я обхожу стороной все места, где надо искать, я сижу на ферме среди коров и детей, я гуляю по городу со сказками в ушах, чтобы никто не мог ко мне подойти, я не улыбаюсь встречным, даже если у них клетчатые шарфы, носы с горбинкой, кудрявые хвосты, и плечи такие, знаете, острые, подвижные, хотя сердце, конечно, и бьётся быстрее при виде такой красоты, но я закрываю глаза, чтобы не думать о том, что, вообще-то, можно было бы и. Я не отвечаю на запросы о дружбе в сети, я работаю, только работаю и иногда пою колыбельные на всех языках и тушу грибы, и варю глинтвейн и имбирный чай, и на завтрак шоколад с чили, а на обед – овощные супы. Мне практически всё равно, куда ехать дальше, я смотрю на все города в горах, у моря и даже в степи, на все, про которые спето много песен и сложено много легенд и где говорят по-славянски – всё же там яснее, как жить, но можно и дальше, на запад, где живет, например, один мальчик (и все, кто меня давно знает, могут быть рады – ему, вы не поверите, тридцать три), у него всё, что нужно для счастья, есть – и высокие цели, и грусть в глазах – голубых! – и путешествия, и свобода, и даже мясо он уже год как не ест, говорит, после последней встречи со мной перестал, нас обоих так изменил Непал (собственно, там мы и познакомились), но я не решаюсь часто ему писать, он слишком хорош, чтобы дружбу с ним превращать в клубок бытовых проблем, ожиданий, скучаний, надежд, лучше оставить всё так, как есть: очередная фоточка на вершине очередной покоренной горы и сияющий взгляд цвета неба, один из сотни мой лайк, его весёлые комменты в моём инстаграме, и, sometimes, hi, how are you как подарок, которого ты не ждёшь, не думаешь, не злишься, когда его долго нет, это же так хорошо, и он третий год зовёт к себе в гости, но пусть хоть одна fairy tale не превратится в fail – стоп, я обещала себе не искать любви.

#zhizn_v_puti

Екатерина Лымаренко

Студентка филологического факультета ВГУ

Фото – летнее... Потому что да, я скучаю по лету, так жаль: ну неужели нельзя было хоть один денёчек из лета не тратить, не проживать просто так, а сохранить, запечатать в бутылку, чтобы поздней осенью или мрачной зимой выпустить его оттуда, как волшебного джина... И ничего у него не просить, а просто побыть с ним... Согреться его теплом.

Этим летом я впервые столкнулась с проблемой ночных насекомых: бабочек там, мотыльков, которые залетали в комнату через открытые окна и кружились вокруг моего торшера... В борьбе с ними я провела спецоперацию: потихоньку начала передвигать торшер от своей кровати в сторону балкона, и глупые букашки обречённо покидали насиженный кусочек потолка и, как замороженные, двигались за ускользящим светом... В конце концов я направила лампочку в распахнутое окно, и разноцветные мотыльки сами выпорхнули в непролазную темноту ночи, в которую их увлёл за собой манящий луч, тот самый, у которого они искали защиты от всё окутывающего мрака и холода...

Смешные создания, думалось тогда, они готовы сжечь свои крылья и погибнуть, но не могут одну единственную ночь пережить, подождать настоящего горячего солнца: им надо во что бы то ни стало именно сейчас найти источник тепла и жизни, пусть ложный, пусть обманывающий, но такой необходимый...

А вот нам, людям средней полосы, приходится куда тяжелее, мы остались без тепла и света не на одну ночь, а на целую зиму, нам ещё ждать и ждать лета... И вот я уже готова обманываться, лететь пусть даже на ложный свет ничего не дающих воспоминаний, чтобы хоть на минуточку согреться, на секундочку поверить, что сейчас я открою глаза – а за окном рассвет уже в пять утра и птицы поют, и вечером под окнами компания молодёжи играет на гитаре... Но глаза открываю – а перед мной прогноз на ближайшее время: пасмурно без прояснений... Эти воспоминания обжигают не хуже той лампочки: такие маленькие, незначительные, но такие манящие... тянешься к ним, как мои букашки – к свету лампочки, а они внезапно потухают и оставляют тебя одну в одиночестве зимнего вечера.

Софья Сафронова

Студентка факультета РГФ ВГУ

* * *

По весне его должны были забрать в армию. Они уже долго встречались. Не жили вместе ни дня. Собирались жениться. Она никогда не давала поводов для ревности. Он считал её идеальной. Она сомневалась. Хотела быть свободной.

Желания готовить ему не возникало. Убирать что-то в его квартире тоже. Ей вообще там не нравилось. Размышляла о том, чтобы сменить обои. А лучше шторы. Да, шторы. Нынешние её раздражали.

Всё чаще она стала задавать себе вопросы. Странные. Нужен ли он ей? Почему она должна его ждать? Кто он ей? На какие-то ответить было проще. На размышления о других она не находила оправдания. Ей было с ним удобно. Удобно. Всего лишь?

Проводы были пышные. Она даже плакала. Провожала на поезд. Обещала ждать. Решила, что всё-таки дорог. Повесила на стену календарь. Красным маркером закрашивала прошедшие даты. Вступила в группы ВКонтакте. К тем, кто тоже ждал своих солдат.

Она практически не выходила из дома. Забросила тусовки. Она действительно старалась ждать. Почти сделала это. Даже гордилась собой. Не хватило совсем немного. Триста шестьдесят четыре.

* * *

Их познакомили общие друзья. Сначала разговор не шёл. Они даже забыли друг о друге на какое-то время. Потом вдруг поняли, что чего-то не хватает. Или кого-то. Он заговорил первым. Не пожалел. Она казалась вежливой и образованной. Болтать с ней было легко. Он дарил ей небольшие подарки. Приглашал на мероприятия.

Со временем количество общих знакомых увеличивалось. Они показывали друг другу фотографии родных. Она хвалилась достижениями старшего брата. Он рассказывал о младшей сестре. Их музыкальные вкусы были схожи. Тяжело было расстаться даже на минуту. Хотели всегда быть вместе. Думали, что это та любовь, о которой снимают фильмы.

Прошло несколько месяцев. Они даже засыпали и просыпались в одно и то же время. Первым делом говорили друг другу: «Доброе утро». Они считали друг друга самыми лучшими. А потом прятки за смартфонами закончились. Они встретились в реальности.

Странная антология воронежской поэзии в иллюстрациях Ярослава Дмитриева

Светлана Ахмедова

АСКЕСИС

Тут, на дне колодца, немножко снега, –
и не видно звёзд. Но фонарь как вежа,
в общем, тоже годен. Без Диогена,
сам горит – светилам иным замена.
Озаряет урну, котов недобрых,
почерневших прутьев худые рёбра,
честный взгляд в глаза, истину простую:
я как этот двор без тебя пустую.
Глубине её не назначить цену.
Пережили ночь и остались целы,
впереди ещё... Но сперва докурим.
Этот фимиам дымной лигатурой
пришивает высь к пяточку у дома.
Странно, что потом будет по-другому,
то есть – ровно так, как всегда. Как раньше.
Ни тепла, ни звёзд. Ни двоих сбежавших.

ЗВЕЗДОПАД

Звезда перемещается за дом
и рушится в соседний двор. Винтом
раскручен воздух утра. Ветер сник,
и свежесть – валиолом под язык.
Незримая проторена стезя
от «да» до «нет», от «можно» до «нельзя».
Смелей. Шагнул вперёд – и был таков:
на грязной вате старых облаков,
цепляя трубы и опоры ЛЭП,
плывёшь себе как лучезарный Феб,
плывёшь к себе – по буквам, по слогам,
любовникам, завистникам, врагам, –
надеясь, что тебя приговорят,
и будет боль, и свет, и звукоряд...

К утру звездой падёшь в соседний двор.
Недопоэт, стекляшка, тусклый сор.

Автор идеи Дмитрий СЛАДКОВ и художник Ярослав ДМИТРИЕВ беседуют о поэзии, музыке и творческом процессе

Дм. : В качестве вступления – как родилась эта идея. Поскольку я в душе художник, соприкосновение с поэзией иногда приводит к возникновению в голове достаточно интересного визуального образа, как бы переводящего словесную, смысловую ткань стиха на язык других органов чувств. Вот это бы сразу и запечатлеть, но руки у меня не от художника. Значит надо их привлечь со стороны.

Яр. : Возникает вопрос: если ты создавал этот проект, чтобы реализовать свои идеи в изобразительном искусстве, то почему художнику была предоставлена возможность изображать своё видение, а не чёткое задание, по которому следовало двигаться? Тогда бы я, кстати, не согласился участвовать.

Дм. : Понимаю, что рисовать по чужой подсказке – та ещё мука для творческого человека, у него и собственные образы наружу просятся. Я создал эксперимент и отошёл в сторону насладиться процессом. Это как наблюдать водопад и как нырнуть в него. Совсем разные ощущения и результаты. В первом случае будет страница описаний, а во втором только междометие «ух!», и этим всё сказано. Но, положила руку на сердце, свои идеи удавалось-таки иногда подбрасывать.

Яр. : Стоит отметить, что ты здесь ещё и как автор стихов.

Дм. : В шкуре автора тоже интересно побывать. Потом надо было инициировать процесс, поэтому первым было стихотворение, с которым всё более-менее понятно с авторской точки зрения, то есть изнутри. И сразу первое восхищение! Литгероиня представлялась с рыжими волосами, но об этом нигде не упоминается. И вот на иллюстрации я наблюдаю шатенку.

Значит работает!

Яр. : Стихотворение «Сновидения» иллюстрировалось на такой волне вдохновения, что идея родилась довольно быстро, и реализовать её удалось практически с первого раза. На этой картинке выбирался стиль для всей серии — что-то среднее между моими цифровыми рисунками и работами на холстах, где всё получается более абстрактно.

Дм. : Поскольку ты согласился, что стало решающим?

Яр. : Я увлечён поэзией и сам пробую писать, а тут ещё был азарт – смогу ли создать такую визуализа-

цию, которая не повторит, а расширит восприятие стихотворения и наполнит моими ощущениями. Это всё не имело бы смысла без творческой свободы, предоставленной мне в этом проекте.

Дм. : Тут очень пригодился твой стиль, по сути сюрреалистический, который даёт зрителю столько же свободы, что и поэзия. Есть поле для поиска и можно найти что-то новое.

Яр. : Для себя взял за правило не рисовать то, что можно сфотографировать, поэтому моё творчество далеко от объективной реальности.

Дм. : Зато хорошо сочетается со стихами. Да и кто сказал, что альтернативной реальности не существует? Хотя бы во вселенной нашего сознания.

Яр. : Как выбирались авторы?

Дм. : Старался найти лучших, причём из тех, кто не очень на слуху. Хотелось обратить на них внимание, показать, что в этом городе есть поэтическая жизнь. Я тут придумал статистику, что в России на десять тысяч человек приходится один поэт. Пусть не с большой буквы, но всё же. В Воронеже, соответственно, сотня.

Яр. : По ощущениям больше.

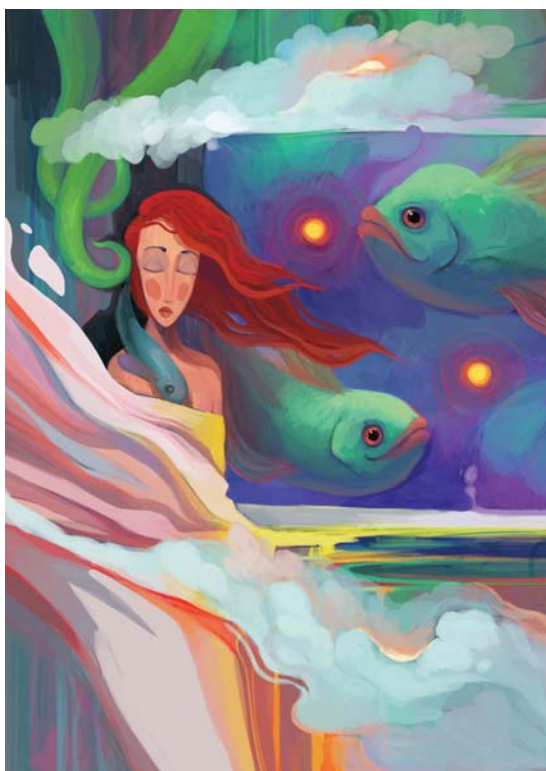
Дм. : Просто кто-то шумит громче и стучит левой пяткой в грудь, утверждая, что он поэт.

Яр. : Непонятно, где проходит эта грань – поэт/не поэт?

Дм. : Граница достаточно размыта и, даже при профессиональном взгляде, всегда субъективна. Возможно, это талант попадания «в божественные ноты», но это не объяснить рационально. К тому же все промахиваются: кто редко, кто часто, а иные всегда.

Мне проще описать настоящее стихотворение. Это всегда откровение, причём откровение автора и откровение для читателя. Это история, со своей динамикой, рассказанная при помощи разнообразных методов художественного преобразования текста, имеющая смысл, зачастую не один, причём чем глубже спрятанный, тем круче. В идеале в процессе чтения неожиданно проваливаешься в кроличью нору и всплываешь уже в другой вселенной, а внутри тебя распускается чудесный цветок. (Выдох.)

Яр. : Что такое смысл в стихах? Кто-то считает, что он обязательно должен присутствовать. Как жизненный урок, как повод для размышлений. А лично для тебя?

о. Митрий

СНОВИДЕНИЯ

Спит Лиза, шевеля губами,
А за окном, уткнувшись лбами
Две рыбы смотрят на неё.

Рассвет распахивает лоно,
И незаметно тень дракона
Там обернётся шёлком шарфа.

Спи, Лиза, скоро станет жарко...

Крис Гайдукова

НЕ ПРИГОДНАЯ ДЛЯ ОХОТЫ

Не пригодная для охоты –
скажешь ты обо мне. И прав.
Если любить – так в ноты
сразу во все попал.

Если любить/любить –
наголо, чтоб ничья.
Так и уселась птица –
прямо к стволу ружья.

Рожицу содрогнуло,
каждый заёрзал сук.
Птице казалось, дуло –
лишь продолженье рук.

В руки, как по приказу,
крыльями смерть обняв –
песню запела, сразу
в ноты во все попал.

Дм.: Точно не урок, и никакой назидательности. Кто мы такие, чтобы учить других? А вот заставить задуматься, искру светлую заронить – это да. А если совсем лично, то смысл стихотворения в акте сопереживания.

Очень важно совпадение автора и читателя. Отсюда вопрос – как тебе работалось со стихотворениями разных авторов? Были ли совпадения, были ли сложности?

Яр.: Вот «Не пригодная для охоты» Крис Гайдуковой. Изначально непонятно было, что с ним делать.

Дм.: Для меня стихотворение построено на чистой эмоции. Такое максималистское, юношеское, про любовь...

Яр.: Конкретики мало, поле для действий слишком большое. За что зацепиться – не сразу разберёшься.

Дм.: Но ведь был образ птицы, мы его сохранили. А ружьё спрятали.

Яр.: Мне кажется, что ружьё выглядело бы ужасно...

С Иваном Гладких противоположная история. У него довольно конкретный язык, и казалось, что рисовать надо тоже что-то очень конкретное. А это сковывает. Пожалуй, тут я был в поиске каких-то особенных настроений.

Дм.: Такой крепкий орешек из рационального языка и иррационального сюжета. Очень пригодилась подсказка самого Ивана изобразить мир глазами сумасшедшей старухи-регулировщицы, тут сразу всё стало на свои места.

Наибольшее количество раз мы перерисовывали картинку к стихотворению Ольги Василевской «Разговоры о будущем больше не актуальны...» Это вообще достойно отдельной истории.

В Петербурге, где Ольга сейчас творит на всех фронтах, проходят «Поэтические перекрёстки». Художники приносят на это мероприятие свои работы, а поэты пишут экспромты к вдохновившей их картине. Всё это сопровождается зрительским экстазом и народными гуляниями. Однажды один из организаторов – Сергей Адамский, который, кстати, и поэт, и художник – принёс туда свою копию с картины Пикассо «Трапеза бедняков». Проходившая мимо Василевская откликнулась на это экспромтом. Перешагнув через Адамского (он, конечно, будет сопротивляться), можно сказать, что на стихотворение Ольгу вдохновил сам Пикассо.

Ни я, ни ты до поры до времени не в курсе происходящего и выбираем его для иллюстрирования, считая основанным на жизненных событиях, без примеси вторичности. Вот она, великая сила искусства! Далее автор раз за разом не соглашается с какими-то деталями на картинке. Мы авторов стараемся не огорчать и честно перерисовываем иллюстрацию ещё и ещё. Результат читатели альманаха теперь могут наблюдать. Но всё это отчасти напоминает игру в «испорченный телефон».

Яр.: А давай раскрутим новый виток и пошлём уже нашу картинку на «Перекрёстки»?

Дм.: А давай, прямо завтра и сделаем. К моменту выхода «Дня поэзии» уже будет результат.

Яр.: И о совпадениях. Это творчество Светланы Ахмедовой и, пожалуй, Михаила Потапова. У Светланы очень красивые стихи, которые интересно реализовывать и думать о них. Это было как путешествие с разными вариантами пути, даже не знаешь, куда выведет.

Дм.: А ты читал что-то сверх того, что требовалось проиллюстрировать?

Яр.: Да, а Светлану даже слушал вживую на встречах «РоемFM». И всё было интересно.

Мы тут немного поговорили о сочетании текста с картинкой, но есть ещё одна пара – текст и музыка. Раньше я был уверен, что песня – это в первую очередь текст, его содержание, пока не столкнулся с творчеством Леонида Фёдорова и группы «АукцЫон». Это случай, когда текст сам по себе мало что представляет, точнее – несёт мало информации.

Дм.: То есть, записанный на бумагу, он вызывает скорее недоумение, а пропетый переходит в другую категорию, действует на нас совсем по-другому.

Яр.: Да, он работает в музыке и хорош как песня.

Дм.: Синергетическое сочетание двух искусств.

Опять заверну к поэзии. Есть стихи, удачно звучащие в декламации. Далеко ходить не нужно. Вот Михаил Потапов очень гармонично живёт на сцене со своими текстами. Поэтому он – герой московских слэмов и более современен в тех условиях, когда получить видео или аудиофайл не сложнее, чем текст. В книжном же варианте он проигрывает.

Яр.: Для меня он в тексте не теряет, просто по-другому раскрывается.

Ольга Василевская

* * *

Разговоры о будущем больше не актуальны –
то, что здесь и сейчас, выпиваем внезапно залпом.
Скатерть льнёт под ладонь простыней из оглохшей
спальни.

Я смотрю в никуда – это значит, я вижу завтра.
Холод пальцев на белом плече, как порезы лезвий.
Полнолуние грязной тарелки бликует тускло.
Мы распались давно многоточием сотен если,
но за ними не будет «то», будет просто «пусто».
Взять разбег, оттолкнуться от крашеной табуретки.
Может там встречу что-то, что греет, как солнце
в мае...

Только я не могу убежать из привычной клетки –
той, где ты меня редко, но всё-таки обнимаешь...

Иван Гладких

БАБКА РЕГУЛИРОВЩИЦА

Нас поглотила пробка,
Пробка на полземли,
Куклы в цветных коробках
Нервно грызут рули.

Схваченная в охалку
Замершего кольца
Машет руками бабка
Регулировщица.

Дурочка и юродка,
Порченный жизнью хлам,
Жертва палёной водки
Или душевных драм.

Люди её не судят,
Люди достигли дна:
Хуже уже не будет –
Кто, если не она?

Что ж, ни пера, ни пуха,
Действуй, наш постовой,
Чокнутая старуха
С нимбом над головой.

Дм.: Время меняет декорации. Если отмотать на несколько десятилетий назад, то увидим, что текст – преобладающая возможность передачи поэзии. Кино- и аудиозаписи единичны. Сейчас ситуация меняется.

Яр.: То есть видеоформат существует наравне с текстом.

Дм.: Читатель превращается в зрителя. Слышал это от литературного критика Елены Пестеревой, но и сам так считаю. Настоящая поэзия самодостаточна. Её нельзя улучшить никакой искусной декламацией, хотя можно испортить. И костыли в виде музыки нужны лишь слабому тексту. Хорошая поэзия – сама уже музыка. Песня – это песня, мелодекламация – мелодекламация, отдельные жанры, где играет роль артистизм и другие законы восприятия.

Стоит сообщить, что наша антология ещё не закончена.

Яр.: И у нас в шляпе есть ещё один автор, которого пока не проиллюстрировали.

Дм.: В результате получится набор открыток, который можно подержать в руках и найти для себя совпадения.

Будем продолжать?

Яр.: Будем!

Если у кого-то возникнут к нам вопросы, можно стучаться на почтовый ящик

o-mitriy@yandex.ru

Следить за творчеством участников можно на их страницах

Светлана Ахмедова poembook.ru/Mmotya

Крис Гайдукова stihi.ru/avtor/kriskri

Михаил Потапов vk.com/vmpotapov

о. Митрий reshetoria.ru/user/oMitriy

Ольга Василевская vk.com/vasilevskaya.wordsvoice

Иван Гладких stihi.ru/avtor/aspirans

Ярослав Дмитриев vk.com/yaroslav_artwork

Михаил Потапов

* * *

Ангел иногда приходит
И похож на маленькую птицу –
И серебряные спицы
Пролетают, пробегают
И из вида пропадают.

Лампа светится кроваво
От кровати до двери.
Доживают потолки
В подмосковном доме зиму,
Снова делать не с руки.

Дом я продал, в мае продал.
Быстро продал. Помогли.
Слишком дикая природа,
Всё в пыли.

В гости, в гости заходи,
Чтобы чёрные чаи
Проливались в эти кружки,
И навязчивые мушки
Всё кружились и летали
От стола и до двери.

Дьявол иногда заходит.
Он похож на насекомое –
От меня ушла знакомая,
Приходила по любви.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Под потолком затихла летающая мышь.
Ты слышишь, слышишь, слышишь,
Как за окном мерцает тишь?
Скребётся в стены, в дверь и в крышу.

И этот организм, всё от угла к углу,
Всё мечется и мечется, взбивая темноту.

Я выгоню тебя, несчастный сгусток тьмы.
С сердцебиением таким, как у тебя, увы,
Не продержаться здесь, не удержать каймы.
Не бейся, не проси: не продержаться так двоим.

Но тусклые фонарики из тёмного угла
Всё смотрят, алые, всё смотрят на меня.

И надо бы найти простую вещь –
Рубашку, куртку, что пошла по шву –
Накинуть на сгустившуюся взвесь,
Поймать тебя и выпустить в луну.

Но медлю я, и не ищу тряпья,
И не оглядываю дом.
Ведь кажется полезным, если тьма,
Такая маленькая тьма, живёт под потолком.

Ольга Василевская

* * *

Время беременно мной, я беременна временем –
гордиев узел сплетённых в одно пуповин.
Временем клясться, что клятву давать на крови,
зная, что вера как вира мне, Amen как имя мне.

Сколько мне длиться? Как мёд литься
медленно-медленно?

Хочется прыгнуть и крылья расправить легко.
Осень под кожей – привычный уже токсикоз –
тянется, ноет, холодная, скользкая, медная,

намертво держит. До срока не выйти, не вызволить.
Ждать, то есть жить, – нет сложнее и проще пути –
двигаться к свету и верить, что там не тупик...
Стройных минут возвышается ровная изгородь –

и не пускает ни влево, ни вправо... Намеренно
не улизнуть: по течению – вперёд и вперёд.
Только под утро остудит движение лёд,
новой зимой разрешится от тяжкого бремени

время... И я с новорожденной жизнью по льду
против течения уйду... Непременно уйду.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЗВЕЗДОЧЁТЫ

Не считаю ни дней, ни ночей – не считаю нужным...
Если в мыслях вместе, порознь не так серьёзна.
Мы с тобою с собой привозим дожди и лужи,
те, в которых живут, как рыбы, общие звёзды.

Ты пускаешь нам зайчиков, если устало солнце,
я кормлю мурашек то сахаром, то стихами.
Рыбы смотрят на нас из вёдер и из колодцев,
их даже можно, наверно, поймать руками.

Только стоит ли? Рыбам и звёздам нужна свобода,
лунное блюдце, закаты солнечной карамели...
Мы снова входим с тобою всё в ту же воду –
жаль только, раньше мы этого не умели...

Обыкновенные звездочёты (лат. Uranoscopus) –
род лучепёрых рыб
из семейства звездочётовых

Иван Гладких

БАБУЛЯ

Когда большой многоквартирный улей
Блаженно спит – ни шороха, ни зги –
Ко мне моя почившая бабуля
Приходит перештопывать носки.

Вдевает нить в цыганскую иголку
И в сотый раз берётся за своё –
Непостижимо тратит смерть без толку
На никому не нужное старье.

Я тщетно верю, что смогу однажды
Понять её нелепый непокой.
Бабуля шьёт, как будто это важно.
Она всегда, всегда была такой.

ПОД ДОЖДЁМ

Дождь, не переставая, шёл
По брусчатке вечерних улиц,
Клёны сбрасывали, сутулясь,
Листья глянцевые, как шёлк.

Я глядел со своей скамьи –
(Обвиняемых ли, присяжных?)
Как оплакивались протяжно
Беды маленькие мои.

Улыбался, как идиот,
Отпуская свои потери,
Знать не зная, но крепко веря –
Всё промокнет и всё пройдёт.

Фрагмент картины Алины Костриченко

Поздравляем!

Сергей Востриков – стал лауреатом IX Международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского (Сезон–2021).

Алина Костриченко – показывала свои картины на выставке «City's Dreams», проходившей с ноября по декабрь 2021 г. в Венеции (Италия).

Павел Пономарёв – изданы книги «Со-бытие. Дневник молодого человека» и «Автор и диалог : Искусство публицистики в работах профессора Льва Кройчика».

Сергей Попов – в 2021 г. стал лауреатом VI Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» и обладателем золотого диплома XII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь». В 2021 г. вышли книга стихов «Вся печаль» (Москва, издательство «Вест-Консалтинг») и книга избранной прозы «Крылья над крышами» (АО «Воронежская областная типография»).

Елена Смолицкая – стала лауреатом Поэтических чтений к юбилею Н. Гумилёва (2021 г.), победителем Открытого литературного конкурса по профилактике экстремизма «Части целого» (2021 г.).

Дарья Швецова – стала победителем Всероссийского литературного конкурса «Золотое звено – 2021».

Дарья Князева – финал «Филатов Феста – 2021», финал Всероссийского литературного конкурса им. А. Л. Чижевского в номинации «Поэзия», шорт-лист X Всероссийского фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин ветер» в номинациях «Литературное творчество» и «Звучащее слово», лонг-лист Межрегионального литературного фестиваля им. Е. П. Гусева «Яблочный Спас», финал Международного фестиваля «Мгинские мосты» 2022 в номинации «Лирическая поэзия».

Дмитрий Чугунов – вышла автобиографическая книга «Зёрна и плоды» (2021).

Содержание

Деревья и сейчас высокие, а снег белый	3	Валентин Рахманин	27
Университет и его друзья	5	Олег Рахманин	28
Олег Авдеев	5	Аман Рахметов	28
Виктор Батраченко	5	Лев Рудковский	29
Виктория Белоусова	5	Алексей Серёгин	30
Юрий Беседин	6	Елена Смолицкая	30
Владимир Болгов	6	Владимир Тулупов	31
Алексей Бондарев	7	Дарья Хайдарова	31
Владислава Бурносова	7	Галина Хожаинова	31
Светлана Владимирова	8	Дмитрий Целиков	31
Татьяна Воронова	8	Яна Цыганкова	32
Сергей Востриков	9	Дмитрий Чугунов	33
Диана Гладнева	10	Дарья Швецова	34
Андрей Гончарук	10	Татьяна Шепелева	35
Дарья Гузеева	10	Виктория Штанько	36
Владимир Емельяненко	10	Иван Щёлоков	37
Дмитрий Ендовицкий	11	Юрий Эктов	38
Анастасия Еремина	11	Джабраил Яхьяев	38
Софья Жукова	12	Из истории	39
Евгения Зайцева	12	Стихотворения в прозе	43
Вера Калашникова	12	Алина Костриченко	43
Анастасия Картавцева	13	Екатерина Лымаренко	43
Дарья Князева	14	Софья Сафронова	44
Дана Коваленко	15	Странная антология воронежской поэзии в иллюстрациях Ярослава Дмитриева	45
Дмитрий Колесниченко	16	Автор идеи Дмитрий Сладков и художник Ярослав Дмитриев беседуют о поэзии, музыке и творческом процессе	46
Мария Колосниченко	16	Светлана Ахмедова	45
Константин Кондратьев	17	о. Митрий	47
Иван Крокодилов	18	Крис Гайдукова	47
Юлия Лазаренкова	18	Ольга Василевская	49
Оксана Лесовик	19	Иван Гладких	49
Екатерина Макушина	20	Михаил Потапов	51
Василий Нацентов	21	Поздравляем	55
Сергей Матыцин	22		
Эльвира Пархоц	23		
Павел Пономарёв	24		
Сергей Попов	24		
Аркадий Пресман	26		

Литературно-художественное издание

День поэзии LXVI

Литературно-художественный альманах

25 марта 2022 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*
Корректор *Е. В. Поликаркина*
Компьютерная вёрстка *А. Ю. Хаустовой*

Подписано в печать 11.03.22.
Формат 60×84/8. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 200. Заказ 112

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3